

БЕЛЫЙ ДРАКОН

Александр Логачев

МЕЧИ ЯМАТО

Белый дракон

Александр Логачев

Мечи Ямато

«Крылов»

2006

Логачев А.

Мечи Ямато / А. Логачев — «Крылов», 2006 — (Белый дракон)

ISBN 5-9717-0227-0

Япония, далекий 1235-й год. Смертельные поединки на мечах, неколебимые правила чести, покорные и одновременно сильные японские женщины, шайки разбойников, буддистские монастыри и синтоистские святилища, неприступные с виду замки, непривычные одежда и обувь, странные яства и напитки... В этом жестоком и удивительном мире оказался воздушный гимнаст Артем Топильский. Так уж вышло. Страна Ямато навязывает Артему свои законы, свои ценности; в ней чужаку уготована незавидная участь. Но Артем принял вызов судьбы. Более того, он не собирается прозябать бессловесным статистом. Он просто обязан сыграть по-крупному.

ISBN 5-9717-0227-0

© Логачев А., 2006

© Крылов, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	32
Глава восьмая,	36
Глава девятая	41
Глава десятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Логачев

Белый дракон. Мечи Ямато

Часть первая В ЯПОНИИ ВЕСНА

Глава первая КУДА ЕДУТ ДОРОГИ

*Посреди цветенья
Фудзияма ввысь вознеслась —
В Японии весна!*

Сёу

Голод, он и в 1235-м голод. В дремучем доисторическом году брюхо, представьте, сводит точно так же, как и в 2005-м от Рождества Христова.

А между тем, не будь Артем голоден до сиреневых кругов перед глазами, обязательно досмотрел бы представление до конца. Как-никак выступали его коллеги – цирковые артисты. Пускай бродячие, пускай древнеяпонские, но все ж таки – цирковые. Братья по цеху, ёх тибидох, родственные души. Вряд ли при виде кого-то еще в этих неприветливых краях Артем мог испытать теплые чувства. А сейчас он как раз эти чувства и испытывал... помимо профессионального интереса, понятно.

И все же не следовало откладывать задуманное, как бы ни хотелось досмотреть. Уж больно момент сложился удобный. Жаль было упускать...

Разумеется, Артем заблудился. Это ему только так казалось, что он без труда отыщет дорогу из монастыря в Долину Дымов. Дескать, до города Ицудо он легко доберется, расспрашивая встречных-поперечных, дальше пойдет шпарить по солнцу, как по спутниковому навигатору, а там и места пойдут знакомые. Да, немножко поплутает, не без этого, но рано или поздно выйдет в заданную точку, то бишь в Долину Дымов...

Дудки! Полные и категорические дудки. Не то что до Долины Дымов, даже до города Ицудо он пока не сумел добраться.

Первый населенный пункт на своем пути, деревеньку, находящуюся в десяти ри¹ от монастыря, пришлось обойти стороной. Завидев в отдалении крытые тростником домишки, Артем свернул с дороги, отыскал подходящий взгорок с подходящим кедром (из каких, наверное, и делают барабаны-тайко²), играючи (как-никак воздушный акробат) забрался на дерево и с него внимательно все осмотрел. Худшие предположения оправдались – в одном из дворов Артем заметил лошадь.

Лошадь вообще редкость для здешних мест, а в хозяйстве малоимущего крестьянина сие есть роскошь просто-таки невозможная. Даже редкий самурай может позволить себе иметь лошадь, чего уж говорить о простолюдинах. Для простолюдина лошадь примерно такое же

---

¹ Ри – японская мера длины, 3,9 км.

² Для изготовления барабанов-тайко выбирались кедры, возраст которых был не менее пятисот лет. Выдолбив середину ствола и придав заготовке форму барабана, поверх натягивали особым образом выделанную кожу. После всего этого долго и тщательно регулировали высоту звучания с помощью креплений, какими кожа крепилась к тайко. Тайко использовались (и по сей день используются) в ритуалах синто, в народных праздниках, в театральных представлениях.

дорогое и недоступное удовольствие, как в России-2005 для деревенского тракториста – иметь личный вертолет.

Собственно, удивляться не приходилось, а приходилось ожидать чего-то подобного. Наверное, любой разумный человек на месте Нобунага так бы и поступил – не ограничился легкой засадой в монастыре, а оставил бы еще парочку самураев на единственно возможном пути следования треклятого гайдзина. Так, на всякий случай. Мало ли, вдруг ловкий гайдзин выскользнет из засады... И, что характерно, ведь выскользнул.

Что еще более характерно: и на сей раз чертов гайдзин не попал в расставленные силки. Он, гайдзин Артем, просто обошел деревеньку по лесу, потом вновь вышел на дорогу и продолжил путь к равнине. А расспросы встречных-поперечных про путь к городу Ицудо решил отложить на потом – до следующих обитаемых мест.

Сначала дорога была единственной стезей, ответвлений не имела, даже захочешь – не свернешь. С выходом же на равнину все изменилось. Косяком пошли развилки, и вдобавок любое, какое ни выбери, ответвление петляло самым немыслимым образом. Выдержать движение «строго на юг» на поверку было нелегко, если, конечно, не переть по пересеченке, а переть по ней – ну его на фиг, Артем это удовольствие уже испытал сполна за время своей японской эпопеи.

А тут еще и встречных-поперечных не попадалось, да и с населенными пунктами как отрезало. Одно радовало – дожди, ливня поливавшие все последние дни и надоевшие хуже горькой редьки, закончились. Днем уверенно светило и грело солнце, все вокруг цвело, дорога подсыхала прямо под ногами, травка лезла кверху прямо на глазах, птички там всякие чириканием зажигали по-весеннему бойко. Словом, отмахивать пешедралом японские версты было не так уж и отвратительно...

Первый встречный попался лишь на второй день пешеходного странствия.

Артем повстречал его на шатком деревянном мосту, переброшенном через, по всей видимости, в обычном состоянии неширокую и тихую, но сейчас переполненную талыми водами, бурлящую речушку. Мост был без перил, на его краю сидел лохматый человек, болтал ногами и смотрел на воду. Надо сказать, Артему он сразу показался не вполне нормальным. Слишком уж оборванный, одежда свисает лоскутьями, вдобавок босой, а на шее болтается немыслимое количество амулетов (всяких там звериных лапок, дощечек и позвякивающих металлических пластинок на плетеных шнурах). Слишком уж грязным был сей подданный императора страны Ямато – особенно омерзительно это выглядело на фоне полноводного речного потока. Никаких дорожных вещей рядом с ним не наблюдалось, а какой нормальный человек отправится в путь без хотя бы махонького узелка? Между тем среди хорошо просматривающихся окрестностей никакого населенного пункта, откуда мог заявиться на мост гражданин хороший, не наблюдалось. И при этом сей гражданин, похоже, пребывал в состоянии полной, а стало быть, ненормальной беззаботности – вон как азартно болтает ногами и как весело похихикивает! Да и на Артема обратил внимание, лишь когда тот подошел вплотную и громко окликнул его: «Эй, добрый человек!»

Разговор подтвердил подозрения Артема.

– Я иду от монастыря на горе Энку, где долгие годы жил послушником, все эти годы не покидая обитель, – выдал Артем заготовленную легенду. – Я иду к городу Ицудо. Подскажи мне, какой дороги следует держаться, чтобы...

– Ты ёсиносукэ из Хираката? – не дал договорить Артему оборванец. Он вскочил на ноги и попытался заглянуть Артему под шляпу. А сделать это, надо сказать, было не так-то просто.

Артем подошел к выбору дорожного наряда тщательно и вдумчиво, не абы что нацепил на себя. Длинная, доходящая до пяток, сплетенная из осоки накидка-мино позволяла незаметно горбиться, уменьшая свой рост, чтобы не выделяться среди малорослых японцев. Широкая, конусообразная шляпа-амигаса из рисовой соломы (Артем отыскал в монастыре шляпу самого

большого размера) полностью закрывала лицо, разглядеть, кто под шляпой, каков там разрез глаз и цвет кожи, можно было, только приподняв ее или сбив. А как ни заглядывай – не увидишь.

– Нет, я не ёсиносукэ, – сказал Артем чистую правду.

– Я знаю, кто ты! – Оборванец мелко захихикал, тряся неряшливой лохматой бородой. –

Ты – Иёно усиони³, ты пришел с Сикоку.

Оборванец потянулся к шляпе, Артему пришлось отодвинуться.

– Нет, я – не Иёно усиони, я – другой, – смиренно, как и положено бывшему послушнику, отвечал гимнаст. – Так все-таки, какой дороги следует держаться, чтобы...

– Я знаю, кто ты! – вдруг выпалил этот ненормальный, показав на левое плечо Артема. –

Ты – Бьяку-Рю!

И начал пятиться. Пятился, пятился, вдруг сорвался и стремглав бросился наутек, шлепая босыми пятками по гладким бревнам моста, отполированным ногами, временем и дождевой водой. Признаться, сей типус оставил Артема малость озадаченным. Оно конечно, странствующему сумасшедшему вроде бы и положено нести всякую чушь. Но вот почему он вдруг понес чушь про Бьяку-Рю, сиречь Белого Дракона? Артем невольно взглянул на свое левое плечо. Все нормально, нет никакой дыры в накидке, через которую юродивый мог бы увидеть татуировку. «Может, он видит сквозь солому и ткань? Сумасшедшие зачастую обладают возможностями, превышающими обычные человеческие, – пришла на ум совсем уж бредовая мысль. – Да ну, чушь! Нечего ломать голову над ахинеей, которую несут всякие юродивые. Как верно подмечено классиком: „Ну сумасшедший – что возьмешь!“ Вот и весь сказ. Все, выкидываем из памяти...»

К вечеру этого дня, отличившегося лишь встречей на мосту, у Артема закончилась прихваченная из монастыря еда. Да немного ее и было, к слову говоря. Экономь, не экономь, надолго не растянешь. Поэтому Артему ничего не оставалось, как забыть на какое-то время о городе Ицудо и направиться в ближайший населенный пункт, где следовало раздобыть правдами-неправдами хоть какую-то еду. Артем не думал, как станет ее добывать, положившись на принцип «что-нибудь придумаю». Сперва же (и срочно, черт возьми!) надлежало разыскать этот проклятый ближайший населенный пункт. Где же еще встречные-поперечные японцы?! Почему никто не ходит по дорогам?!

К вечеру следующего дня Артем выбрался-таки к населенному пункту. Пошел по наиболее истоптанной и разбитой дороге: шел, шел и вышел. А вот куда именно вышел, так и осталось неизвестным. Табличек «Добро пожаловать в...» на въезде в город не стояло, спрашивать аборигенов: «Не подскажете ли, как зовется ваш чудный город?» – Артема что-то не тянуло. Он вообще хотел свести общение с местными аборигенами до самого что ни на есть крайнего минимума.

Одно можно было сказать: подвернулся некий городишко. Намного меньше города Ицудо, который Артем видел издали, зато намного больше деревни, где главным был дзайти рёсю⁴ Симадзу Ядзиро и которую Артем прошел под конвоем из конца в конец.

Надо сказать, Артем несколько волновался. Не будет ли он привлекать внимание? Хотя бы тем, что всех своих они тут узнают издали, по походке. А раз чужак идет, не надо ли его незамедлительно проверить на вшивость, а, товарищи? Не надо ли догнать его и шляпу его грибообразную приподнять, дескать: «Ну-ка, ну-ка, кто это у нас?!»

Зря, выяснилось, волновался.

³ Иёно усиони – Бычий дьявол из Иё, фольклорный персонаж с туловищем быка и головой черта, издавна популярен в провинции Иё на острове Сикоку.

⁴ Дзайти рёсю – деревенский феодал.

Как это ни странно, но на него ровным счетом никто не обращал внимания. Даже самураи. Он уже прошел мимо двух самураев, а те не то что не бросились к нему, радостно выдирая клинки из ножен, – даже взглядом не удостоили. Видимо, в своем соломенном обмундировании, с коробом за спиной и в полусогнутом положении Артем представлял собой настолько заурядную человеко-единицу, что и смотреть-то было не на что. Ну и славненько. Нет ничего приятнее для нелегала в тылу врага, кем в данный момент Артем себя ощущал, чем слиться с окружающей средой, как какой-нибудь хамелеон или палочник-богомол...

Да, собственно говоря, особенно много Артем по поселку и не бродил. Таково уж было его везение, что он прибыл в населенный пункт аккурат в тот день и час, когда здесь начала свое выступление труппа саругаки⁵.

Выступали они на площадке между домами и фруктовым садом. Площадка как нельзя лучше подходила для всевозможных затей на свежем воздухе. Просторно, ровно, не дует, – что еще нужно, чтобы приятно провести вечер, глядя на циркачей?

Только начало темнеть, и все было еще прекрасно видно, но уже зажгли расставленные вокруг импровизированной арены фонари-укидару⁶. Ареной служили расстеленные на траве толстые (чтобы мягче падать), двойные или тройные циновки. Артисты выступали в набедренных повязках – в таких же, какие Артем видел в предыдущей жизни на сумоистах, которых, в свою очередь, видел, понятно, исключительно по телевизору.

Зрители расположились кругом, сидели прямо на земле или на принесенных с собой соломенных ковриках. Артем устроился позади всех, так сказать, в последнем зрительском ряду. А прямо перед ним сидел японец, рядом с которым на земле стоял заплечный плетеный короб. Похоже, тоже скиталец. Стало быть – здраво рассудил Артем и изъяна в своих рассуждениях не нашел – в корзине должна быть еда. А где же еще?!

Чем дальше, тем все чаще Артем переводил взгляд с артистов на корзину, и чем дольше он на нее смотрел, тем невыносимее становились муки голода. Он воображал себе жирные куски говядины... Ах да, японцы же мясо не едят, черти! Мясо придется исключить! Но что, скажите, мешает грудиться в коробе пышным булкам или лепешкам с сыром? Или пусть даже без сыра? Годится даже сыр без лепешек. Все годится, что съедобно.

Совость Артема не мучила. Слишком хотелось жрать, чтобы еще и совестью мучиться. А как по-другому раздобудешь еду? Даже выменять, и то не на что. В конце концов не жизнь он отнимет, а всего лишь хлеба ломоть...

Для того чтобы идти на дело, момент сейчас сложился как нельзя более подходящий. Японец всецело был поглощен представлением, похихатывал вместе со всеми, за корзиной не приглядывал. Его и остальных увлек номер с тарелками. Номер – заговорил в Артеме профессионал – простенький. Крутит человек на двух гибких прутьях деревянные тарелки, перебрасывает их с одного прута на другой, иногда роняет тарелочку, но, не давая коснуться земли, ловит ее носком ноги, ногой же подбрасывает снова вверх, подхватывает кончиком прута и продолжает раскручивать. В общем-то Артем запросто сейчас может выйти и повторить трюк, даже усложнив его.

Ну все, надо начинать. Закончится представление – японец забросит короб на плечи и почапает по своим делам. И что тогда прикажете делать? Идти за ним по пятам и напасть на пустынной дороге? Это уже выйдет разбой. Преступление против личности, а не против короба. К тому же не факт, что японец непременно отправится шататься по темным переулкам, а не пойдет целенаправленно куда-нибудь на постоянный двор или в гости. К тому же не

⁵ Саругаки – бродячий циркач.

⁶ Укидару – цилиндрической формы фонарь, легкий бамбуковый или костяной каркас которого обтянут промасленной бумагой.

обязательно он уйдет отсюда один. А ну как с широкоплечими друзьями? То, что рядом с ним никого нет, еще ни о чем не говорит.

Артем сидел на коленях, на коленях же начал по миллиметрику, по миллиметрику продвигаться к японцу. Так и приблизился на необходимое расстояние... И вроде бы не спугнул гражданина. Тот всецело был увлечен крутящимися на прутьях тарелками. Артем наклонился, запустил пальцы за матерчатые лямки короба, потянул на себя. Вот так. Теперь остается только встать, забросить чужую вещь себе за плечи и уйти...

Артем краем глаза стеганул по «арене». Всей своей труппой, насчитывавшей двух человек, бродячие японские циркачи, закончив с тарелками, начали работать акробатический номер. Их акробатика в основном состояла из кручения «колес», из трюков на гибкость, из сальто вперед (сальто назад ни один из них не выполнял – или не умели, или считали, что нечего зря усложнять программу, хватит и простых трюков) и из сольных акробатических этюдов на руках. Вот в последнем элементе они демонстрировали вполне достойное мастерство. («Даже я не все мог бы повторить... с первого раза», – признал Артем.) Они и просто ходили на руках, и делали стойку на одной руке, при этом выделявая ногами всевозможные замысловатые кунштюки, в частности крутя ими бамбуковый шест, и перепрыгивали с руки на руку. А один из них, приземистый крепыш, даже умудрялся, стоя на одной руке, выбивать ногами, обутыми в деревянные гэта, какой-то ритм, который хлопками в ладоши подхватывали все зрители. За исключением Артема, понятно.

Цирковые выступали по очереди – пока один трудится, другой отдыхает. Парой они почему-то не работали (видимо, боялись быстро устать), а это, естественно, сужало возможности. «Словом, – пришел к выводу Артем, – им есть куда развиваться, есть чем разнообразить программу. А мне есть что им подсказать. Оно, конечно, можно было бы прибиться к труппе, предложить временное партнерство за долю малую, да вот только не предпочтут ли они сдать властям находящегося в розыске преступника за обещанную коку риса⁷? А если даже не узнают во мне того самого преступника, что мало вероятно, то, скорее всего, просто испугаются связываться с гайдзином. Так что ну их! И нечего дальше паяться, не до того. Надо добывать себе хлеб насущный делами несправедными...»

Медленно и плавно – главное, действовать как можно естественней, никаких резких, дерганных движений, побороть желание схватить и бежать – Артем встал, поднимая с земли и короб, повернулся и не спеша пошел прочь от «арены».

Отлично. Все идет отлично. Не бежать. Очень хочется припустить, но пока не следует. Вот доберемся до фруктовых деревьев, а там уже можно рвануть.

Между прочим, Артем поступил благородно, почти по-робингудовски – оставил ограбленному товарищу свой заплечный короб. Пусть пустой, зато более вместительный, в него можно будет положить много-много ценных вещей. А то и бесценных...

Артем оглядывался через каждые два шага. Выпускать ситуацию из-под контроля ему не хотелось. И что уж греха таить, ему было любопытно взглянуть хоть одним глазком, что там работают его коллеги по ремеслу. А коллеги, к слову, закончили с акробатикой, забрались на короткие ходули и что-то там на них выделявали...

Твою душу! Японец вдруг – будто шилом его кольнули! – вздрогнул, бросил взгляд на то место, где до недавнего времени стоял его короб, не увидев его, завертел головой, ну и, разумеется, выцелил глазенками уходящего прочь Артема.

Всё. Изображать простого непричастного прохожего уже не было никакого смысла. Теперь оставалось только бежать, а вернее сказать, драпать, как Наполеон из России, то бишь со всех ног...

⁷ Коку – мера объема сыпучих тел. 1 коку = 180,39 л. Масса 1 коку риса составляет около 150 кг.

Глава вторая

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Срезал пион —
и себе настроенье испортил
на целый вечер...*

Бусон

Наверное, если бы Артем бросил чужую плетеную собственность на землю, никто бы его преследовать не стал. Но тогда, мало того, что он остался бы без собственного короба – это еще полбеды! Он остался бы без еды, а на это он пойти никак не мог, это было выше его сил. «Ничего, мы еще поглядим, кто из нас быстрее бежит», – думал Артем, прибавляя скорость.

Что удивляло – никто сзади не вопил истошно «держи вора». Добежав до фруктовых деревьев и найдя возможность обернуться, Артем не обнаружил мелькающих в большом количестве преследователей. Мелькал всего один преследователь. «Странно, что он не кликнул подмогу. Не хотел отвлекать сограждан от просмотра? Ну, мне-то только лучше», – подумал Артем.

Главное – добежать до дороги. Где дорога, Артем представлял: через сад, потом вдоль рисового поля – и будет дорога. Вдоль дороги – лес густой, а в лесу уж он что-нибудь придумает. Например, запрыгнет на дерево и затаится среди ветвей. А если затаиваться будет уже поздно, то пусть-ка этот бегун попробует одолеть на дереве воздушного акробата! Даже голодного, уставшего и не до конца оправившегося от старых ран акробата! Очень ему придется помучиться, одолевая.

Они – сперва Артем, потом его преследователь – одинаково ловко перемахнули через изгородь примерно в два сяку⁸ высотой, перепрыгнули через канаву с грязной водой, прогрохотали по мосткам, брошенным над ручьем, побежали по краю рисового поля.

Артем уже видел дорогу, за которой начинался лес.

Время от времени он оборачивался и, блин, не видел позади ничего радостного. Преследователь явно настигал. Быстроногий, др-рянь! И главное – какой настойчивый, а! Такое впечатление, что короб – его единственная и самая большая ценность. Еще, конечно, сказывалось и то, что японец бежал налегке, а Артем с грузом. Не бог весть какая тяжесть, этот короб, однако мешается. Ну не будешь же кричать на ходу: «Подожди, друг, я только булки достану и забирай все остальное взад!»

Они выбежали на дорогу.

Спиной почувствовав близость преследователя, Артем оглянулся. Так и есть – их разделяло всего несколько шагов. Догнал все-таки, гадина. Спринтер хренов...

Артем остановился, быстро скинул с плеч короб, поставил его на землю. Остановился и японец, переводя дух. И вдруг резким взмахом руки вытряхнул из рукава кинжал.

Вот этого Артем никак не ожидал и, признаться, опешил. В голове пронеслось: «Ведь несамураям запрещено иметь при себе оружие».

Больше ни о чем подумать Артему не дали. Японец бросился на него с кинжалом. Кричать извинения уже не было никакого времени, как и раздумывать над причинами такой повышенной агрессивности. Времени было – только увернуться от клинка.

Артем увернулся. Отпрыгнул в сторону.

---

⁸ Сяку – мера длины. 1 сяку = 10 сун = 30,3 см.

– Да забирай свое барахло! – крикнул он. Хотел еще прокричать: «Не стоит оно того, чтобы резаться!» Но горячий японский парень не дал закончить фразу, а снова бросился на Артема.

Чтобы не дать себя проткнуть, гимнасту пришлось упасть в грязь, перекатиться и вновь вскочить.

Дело приобретало совсем уж скверный характер. Откуда столько злобы? Из-за какого-то короба! Или здесь воровство – столь тяжкое преступление, что за него положено немедленно убивать?

Вскочив, Артем сорвал налезающую на глаза шляпу и скинул накидку. В пылу борьбы он даже не сообразил, что открывает незнакомцу свое неяпонское лицо. Собообразил только тогда, когда это подействовало. Уже летевший вперед японец словно бы споткнулся в последний момент, и Артем без труда схватил его за запястье.

– Да успокойся ты! Давай поговорим!

Но проклятый японец разговаривать никак не желал. Костяшкой пальца свободной руки он ударил Артема под локоть. Кисть гимнаста на миг разжалась, и этого хватило японцу, чтобы выдернуть из захвата руку с кинжалом.

Предотвращая новую атаку, Артем сбил противника подсечкой и навалился сверху, пытаясь вновь перехватить и выкрутить руку с кинжалом.

Раздался вскрик, и Артем почувствовал, что его ладонь сжимает ребристую рукоять, а клинок входит во что-то мягкое и податливое. И тут же оказываемое японцем сопротивление ослабло.

Артем разжал ладонь и вскочил на ноги. Он увидел, что из бедра японца торчит обтянутая кожей рукоять. Японец обхватил рукоять ладонью и выдернул кинжал из раны. Выдернув, уронил оружие в грязь. А кровь ударила из раны в прямом смысле слова фонтаном. «Судя по тому, как хлещет, пробита артерия, – отстраненно подумал Артем. – Это дело считанных минут».

– Дай ногу перетяну! – Артем присел рядом с раненым на корточки, лихорадочно размышляя, что использовать в качестве жгута.

Японец внезапно гибко извернулся и всадил Артему ногу в подбородок. Удар вышел чувствительным, Артем отлетел в дорожную чавкающую грязь и повалился на спину.

Бли-ин, чертов япошка умудрился отправить его в легкий нокдаун. Потребовалось гораздо больше восьми боксерских секунд, чтобы прийти в себя, чтобы все перестало двоиться в глазах и затих гул в черепушке.

Тряся головой, Артем поднялся на ноги. И обнаружил, что его недавний противник ползет в сторону леса, оставляя позади себя широкую темную полосу.

– Эй, послушай! – Артем снова направился к нему. – Если не перетянуть ногу, помрешь прямо сейчас от потери крови.

Японец оглянулся. Артем встретился с ним взглядом, и столько было во взгляде этого желтокожего человека даже не злобы, а страшной неизбывной тоски, что гимнасту враз стало не по себе. А японец вдруг откинулся на спину, запустил руки под куртку-косодэ и стянул через голову что-то висевшее на шее. Зажал предмет в ладони, приподнялся, встал на одно колено и швырнул его в сторону леса, вложив в бросок – как-то сразу это стало понятно – все без остатка силы...

Проследив за полетом прямоугольных очертаний вещицы, Артем догадался, куда метил японец – хотел добросить до придорожной канавы, полной черной талой воды. Глубиной та канавка была никак не меньше метра, и предмет утоп бы в ней вполне надежно. Тем более и дно наверняка представляло собой ту еще жижу, которая быстро и качественно засосет предмет. Чертову уйму упорства и терпения пришлось бы применить тому, кто захотел бы разыскать в

канаве это «нечто». А еще пришлось бы ходить по колено в холоднющей воде. Запускать в эту воду руку. Вряд ли нашлось много охотников. Уж не на то ли был расчет?

Но расчет не оправдался – до канавы предмет не долетел каких-то жалких полсяку, шлепнулся в придорожную грязь.

Неизвестно, увидел ли японец свою неудачу. Скорее всего – нет. Бросок отнял у него столько сил, что он повалился навзничь, разметав руки в стороны. И, похоже, потерял сознание.

Артем уже был рядом, присел на корточки. Вгляделся. Внезапно откуда-то пришла догадка, что все кончено. Может быть, слишком спокойным стало лицо этого незнакомого человека – мало у кого при жизни видишь такое абсолютно безмятежное, избавленное от всех волнений лицо. Проверая догадку, Артем пощупал пульс, затем приложил ухо к сердцу. Потом ударил ладонью по лицу – голова незнакомца безжизненно мотнулась. Именно – безжизненно. Так и есть, все кончено, никаких сомнений.

– Бред какой-то, – пробормотал Артем. – Бред...

Невинная кража (если кража может быть невинной) неожиданно обернулась кровавой трагедией. Человек погиб по его вине и от его руки. Можно, конечно, оправдываться, что не было намерения убивать. Но убил же! Совсем случайного, невинного человека...

Кто его знает, сколько времени приходил бы в себя Артем вчерашний, еще не хлебнувший японского лиха, но Артем сегодняшний оправился на удивление быстро. Сделанного все равно не воротить, а переживания можно отложить и на потом.

Сейчас же следовало как можно быстрее уносить отсюда ноги.

Артем огляделся. Вроде бы никого не наблюдается в обозримой близости (хотя, конечно, нельзя поручиться, что никто не сидит в лесных зарослях и не глазееет оттуда, но тут уж ничего не поделаешь). Артем подхватил мертвеца под мышки, поволок в лес, оставил там ненадолго под деревьями, сам походил вокруг, осмотрелся, обнаружил довольно глубокую яму, подтащил труп к ней, сбросил вниз, а после закидал ветками и нагреб ногой листву. Вроде бы со стороны не видно, даже если вглядываться.

Он снова вышел на дорогу, где бросил короб. Взгляд упал на валяющийся в грязи кинжал. Артем поднял его и швырнул в канаву, где тот, булькнув, утонул.

Дьявол, вот еще путь к проколу! Кровавый след. Конечно, на глинистой дороге темный след не так заметен, как на какой-нибудь другой поверхности, скажем на снегу. Но немного внимания и наблюдательности... дескать, что это тут за дорожка такая... и по следу можно отыскать место захоронения. Нет, переполох сейчас никак не нужен. И Артем ногой принялся нагребать грязь и размазывать ее поверх крови.

Ну вот вроде все, управился. Еще раз осмотрев место преступления, Артем направился в лес. Естественно, выбрал место подальше от той ямы. Увидел поваленное дерево, присел на него, открыл короб и принялся выкладывать из него вещи.

Короб не был забит вещами под крышку, а был заполнен где-то наполовину. Артем выложил на ствол дерева аккуратно сложенное кимоно, небольшую, с ладонь, вырезанную из дерева фигурку Будды, веер, заткнутый пробкой деревянный цилиндр с какой-то мазью внутри...

Артем вдруг поймал себя на мысли, что ничем сейчас не отличается от обыкновенного разбойника, жадно перебирающего награбленное и уже выбросившего из головы только что убитого им человека. Может, и так, может, и так... Неприятно это, конечно. Да только не до сантиментов и какой бы то ни было рефлексии, когда от голодухи брюхо прилипает к спине. Кто не бывал в подобной ситуации, никогда не поймет...

Ага! Бэнто. Коробка с едой, которую берут с собой в дорогу. Такую, помнится, Хидеёши прихватил из дома Ядзиро. Ну же...

Пустая. Бэнто была совершенно пустая, если не считать каких-то белых крошек и палочек для еды. Забери твою душу... Артем даже не почувствовал в себе сил выругаться как следует.

Уже мало на что надеясь, он разобрал вещи в коробе до конца. И все-таки повезло. Нет, еды он не нашел, но на самом дне короба он обнаружил завернутые в тряпицу деньги. Шесть монет, две из которых, похоже, были золотые, остальные вроде бы из серебра. Все монеты были с дыркой посередине и с незнакомыми Артему иероглифами. Китайские, разумеется. Они в Японии после риса являлись самым ходовым платежным средством.

И это настоящая удача, иначе не скажешь. Это повезло.

Одна из золотых монет выделялась шербатым краем, будто ее погрызли чьи-то острые зубки. Причем не только острые, но и симметрично расположенные во рту – потому что в шербатости неуловимо присутствовала некая правильность, выщербины располагались через равные промежутки. Впрочем, Артем не сомневался, что от всего этого ценность монеты несколько не уменьшилась – здесь деньги чеканят из чистых металлов, не из сплавов, поэтому золото и в шербатом виде остается золотом.

Совість напомнила о себе уколom в сердце. Не стоит, мол, радоваться, денежки-то кровавые получились. И слабое оправдание, что вышло все случайно. Какая уж там случайность! Не трогал бы чужие вещи, человек остался бы в живых.

Да. Все так. Радоваться, конечно, не стоило, но и грех было бы не воспользоваться нечаянной удачей.

Оставив себе деньги, Артем покидал все вещи незнакомца в короб и отнес к яме, ставшей лесной могилой. Опустил короб в яму, забросал ветками и листвою. Теперь ничего не связывало его с погибшим.

Он снова вышел на дорогу и тут вспомнил о выброшенном японцем предмете. Что же это было? Он без труда нашел место, куда упала та штука, достал ее из грязи. Окунул, держа за черный плетеный шнур, в воду канавы, отмыл.

Лакированная деревянная дощечка. Обита по краям медью, что делает ее тяжелой. Размером с портсигар, толщиной в два пальца. С одной стороны на дощечке изображена стрекоза, зависшая между двумя цветками в траве: один в виде бутона, другой – распустившийся. С другой стороны ничего не изображено, голая крашеная доска.

Наверное, некий талисман или оберег. А выбросить его японец хотел, видимо, из религиозных побуждений. Вернее будет сказать, он не хотел, чтобы святыня, которая, возможно, перешла к сыну от отца, а к отцу от деда и вообще долгие поколения находилась в семье, попала в руки презренного бледнолицего чужака, который эту святыню, прикоснувшись, опоганит...

Артем задумчиво разглядывал лежащий на ладони предмет. Может быть, из уважения к последней воле умирающего следовало бы избавиться и от дощечки, однако не исключено, что вещь эта имеет некую ценность и ее можно будет обменять на продукты питания, когда выйдут все деньги. Ведь еще неизвестно, насколько велика сумма и на что ее хватит. Вполне возможно, и не на многое хватит. А путь до Ицудо неблизкий...

Ладно, решено. Оставляем. Артем повесил дощечку себе на шею. Потом будем разбираться, что с этим делать. Сейчас надо отсюда уматывать.

Здравый смысл требовал как можно скорее уносить ноги из города. Но голод говорил другое. Голод требовал как можно скорее что-нибудь закинуть в брюхо. Желательно побольше и понаваристее. Удаляясь прочь от города и возможных неприятностей, удаляешься и от еды. Когда там подвернется следующее поселение или хотя бы повстречается путник, у которого можно что-нибудь купить? Бог весть. Может быть, очень нескоро. И что, дальше так и пухнуть с голоду? И это когда у тебя есть деньги? Когда через какие-то десять минут уже можно есть, есть и есть...

Здравый смысл еще что-то бухтел разумное и правильное, а ноги сами уже повернули в сторону города и понесли по дороге.

Артем знал, куда идет и где он сыщет хлеб насущный...

Глава третья УЖИН ПО-ЯПОНСКИ

*Вечерняя дымка.
Барабаны гремят у костров,
слышится песня...*

Рёта

Необходимое заведение Артем обнаружил без труда. И это несмотря на то, что над входом не красовалась вывеска типа «Суши-бар» или «Самурай-доналдс». Надо сказать, что вообще никаких вывесок Артем в городишке не заметил, равно как не видел и каких-нибудь покачивающихся на крюках бронзовых кренделей, сандалий-гэта или подков с кувалдами – мол, здесь проживает ремесленник соответствующей профессии. Просто-напросто искомое заведение находилось на краю города, и как раз с этого края Артем сегодня зашел в этот населенный пункт. Словом, шел мимо и приметил. Дело было в самом начале вечера, еще не похолодало, двери были отодвинуты, и он мог видеть столы, сидящих за ними людей, которые что-то ели и пили.

Тогда Артем ускорил шаг, чтобы побыстрее оказаться подальше от картинок, вызывающих голодное головокружение и заставляющих брюхо урчать. Но сейчас совсем другое дело. Сейчас он при деньгах. И хотя древнеяпонских цен Артем не знал, однако две золотые монеты – это, думается, серьезно. Золото и в 2005-м будет в цене, чего уж говорить про ранние века. Так что есть все основания рассчитывать не только на обед за эти монетки, но и на кое-что еще. Только бы вот не сглупить на ровном месте, не дать себя облапошить, а то трактирщики – народ известный, трудящихся обманывать горазды, им это как два пальца об катану.

Артем поднялся на веранду. Обычная японская веранда, тут у всех такие, у кого дома попримичней: идущая вдоль всей фасадной стены, сделанная из покрытых темным лаком, тщательно отполированных брусев.

Никакого швейцара на входе, разумеется, не было, дверь пришлось отодвигать самому, самому же и задвигать за собой, открытой не оставишь – все ж таки лишь начало весны, к вечеру заметно похолодало...

Так-так, ну и что тут у нас?

Застеленный циновками обеденный зал (или как он у них тут называется?) начинался сразу за порогом. Десятка полтора небольших столиков на коротеньких ножках, перед ними лежат дополнительные циновки (это под колени, своего рода заменители стульев), фонари-укидари на полу – вот и все убранство. Кухня и прочие подсобные помещения, думается, располагаются за решетчатой перегородкой, которая сейчас чуть отодвинута и оттуда кто-то выглядывает. Пятнадцать против одного – это выглядит его величество трактирщик. Интересно, кто пришел.

Накидку-мино пришлось снять за порогом и оставить при входе, где уже лежали другие накидки и зонты из осоки и промасленной бумаги. Понятное дело, пришлось разуться – как и при входе в любой японский дом. Артем снял сандалии-гэта, оставшись в таби.

Пробираясь к выбранному месту, Артем еще больше прежнего сгорбился, дабы не привлекать чрезмерного внимания ростом. Лучше вообще ничем не привлекать внимания.

Он сел в уголок потемнее. Как рекомендуют детективные романы, устроился лицом ко входу – чтобы все держать под контролем и чтобы со спины никто не зашел. А то разные, знаете ли, случаи бывают...

Артем не первый сегодня забрел сюда на огонек. Занято было еще три столика. За одним сидела компания из четырех человек, за другим – двое. Но был и кроме Артема еще гость-

одиночка. Все посетители – исключительно мужчины и одеты (Артем уже начал в этом потихоньку разбираться) в неброскую и недорогую повседневную одежду. Из них только одиночка не повернул голову в сторону вошедшего. Остальные не преминули посмотреть. Ну а как же, новые лица в их селении, думается, появляются не столь уж часто. Хотя как раз лица своего Артем им показывать не собирался: переживут, потерпят посетителя-не-снимающего-головной убор. А на случай возможного бухтежа Артем уже приготовил для них красивую отмазку.

Трудно сказать, относилось это заведение к перворазрядным или являлось рядовой забегаловкой – Артему пока не с чем было сравнивать, он впервые посещал заведение древнеяпонского общепита. Но, скорее всего, на весь городишко оно такое единственное, уж больно городишко мал. И следует признать, хорошо, что вообще оно есть, а то пришлось бы стучаться в дома обывателей: тетенька, мы сами не местные, продай покушать.

Хозяин с сильно выступающими вперед верхними зубами (ну как тут удержись от сравнения с кроликом!) уже выскользнул из-за решетчатой перегородки и поспешал к Артему. Он несколько раз поклонился новому посетителю, выказывая нижайшее расположение и готовность услужить. Однако при этом из узких прорезей глаз оглядывал Артема пристально и цепко. И это, понятное дело, гимнасту понравиться никак не могло. Чрезмерное внимание к своей персоне было ему вовсе не желательно. Поэтому он поспешил выложить на стол три монеты, золотую и две серебряные, чтобы взгляд трактирщика накрепко прилип к ним, как дубовый лист к мокрой заднице, и чтоб уж он ни о чем постороннем более не думал.

– Видишь эти монеты, – произнес Артем как можно более небрежно, тоном завсегдатая японских харчевен. – Я хочу их потратить в твоём...

Кабачке, ресторане, шалмане? Пока Артем еще не выяснил, как называются в здешних палестинах подобные заведения – не было, знаете ли, случая.

– ...В твоём столь уютном и, надеюсь, гостеприимном доме. Что ты можешь предложить в обмен на эти монеты человеку, который проделал долгий путь и очень-очень голоден?

– Меня зовут Симадзу Касю, я хозяин этого чайного домика. – Владелец кроличьих зубов еще раз поклонился. – Могу предложить рис с соусом сею, рыбный салат, суси и тофу. Если господин очень голоден, могу предложить суп и жареные бобы. И столько сакэ, сколько захочет выпить господин.

«Чем у них меряют сакэ? Стопками, граммами, миллилитрами? – задумался Артем. – А... думай, не думай, все равно не угадаешь». И Артем вновь прибегнул к обтекаемым формулировкам.

– Принеси мне столько сакэ, господин Симадзу Касю, сколько ты сам выпил бы после долгого пути.

И еще принеси всю ту еду, о которой ты говорил. Деньги за все можешь взять сразу.

Артема весьма интересовало, сколько денег у него останется после оплаты ужина. Если много – это, как говорится, открывает возможности. Например, ночевка. Уж больно неохота тащиться в лес, выбирать там место повыше и посуше, ломать лапник, просыпаться посреди ночи от просачивающегося под одежду холода. Надоело, знаете ли. Думается, эта корчма не случайно стоит на краю города. Наверняка она работает и как постоянный двор. Переполоха в городишке что-то не заметно, вроде никто не встревожился исчезновением хозяина короба... А пожалуй, так и обстоит, как Артем давеча подумал, – хозяин короба был такой же прохожий путник, залетный в этом городишке, как и сам Артем. Что ж... Как тут не вспомнить совсем не японскую пословицу «Нет худа без добра»?..

Артем был в немалой степени удивлен, когда трактирщик (будем называть его так) взял со стола всего лишь одну серебряную монету. «Живем. Так, глядишь, удастся и закупить еды в количестве, достаточном, чтобы добраться до Ицудо. Стоит признать, жизнь преступника имеет свои привлекательные стороны. Если бы еще не такая неприятность, как муки совести...»

Между тем, забрав деньги, трактирщик уходить к себе не торопился. Мялся, бросая косые взгляды на шляпу-амигаса, которую посетитель его заведения отчего-то не спешил снимать.

– Мне все равно, я готов закрыть глаза на многое, но другим моим гостям не понравится, что вы сидите в амигаса. Они могут подумать, что тем самым вы выражаете к ним неуважение.

К подобному кульбиту в разговоре Артем был готов. Знал, что ответит.

– Я бы и сам рад снять ее, господин Симадзу Касю, но сделать это я не могу... – сказал Артем, подпустив в голос скорби. – Я расскажу о себе, господин Симадзу, а ты передай своим гостям. Скажи им, что я до недавнего времени обретался послушником в монастыре на горе Энку, там дал обет пять лет не показывать людям своего лица. Монастырь я покинул, но срок моего обета еще не истек. Поэтому я вынужден прятать лицо от людей.

Надо сказать, эту идею с обетом Артем заимствовал из своих бесед с Проводником, царство ему небесное... или, вспомнив о его буддизме, спокойной ему нирваны. Проводник говорил, что простые люди с большим уважением, если не сказать – с благоговением, относятся к обетам, которые добровольно накладывают на себя монахи. Это и решил использовать Артем.

И вроде бы сработало как надо.

– Тогда конечно, господин... послушник, тогда конечно, – часто закивал хозяин этого пищеблока. – Я понимаю. Я передам твои слова своим гостям, я думаю, они не будут против.

Продолжая кивать, хозяин посеменил в сторону решетчатой перегородки, за которой – как полагал Артем – находилась кухня и прочие подсобные помещения.

Дверь харчевни между тем вновь отошла в сторону, и внутрь зашли люди, которых Артем уже сегодня видел...

Глава четвертая

ЧЕМ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ УЖИНЫ ПО-ЯПОНСКИ

*Что за шум во дворе?
Это пугало загрохотало,
свалившись с грядки!*

Бонтё

Это были те самые циркачи, выступление которых он по известным причинам не досмотрел. Артисты заняли столик рядом с Артемом. И вид у них был какой-то удрученный. Представление, что ли, провалилось?

– Я предупреждал тебя, что это добром не кончится, – говорил тот, что был пониже, поплотнее и брит наголо. – Почему я тебя опять послушал? Сколько это может продолжаться!

Второй, повыше, пожилистее, с коротко остриженными волосами и со сломанным носом, понуро молчал, опустив голову.

– И что мы будем делать? – продолжал сетовать коренастый. А это были сетования, никаких сомнений. – Мы и сегодня не сможем наесться, а что мы будем есть завтра? Э-хе-хе... Надо было хотя бы сперва поесть.

– Завтра мы снова выступим, и у нас будут деньги, – поднял голову долговязый.

– Ха! Если завтра придет хоть один человек, это будет великой удачей. Сам же знаешь, как это бывает...

– Я знаю.

Говорили они негромко, но Артем все прекрасно слышал – не гремела музыка, не шумели голоса, словом, ничего не мешало. А говоривших, похоже, нисколько не заботило, что кто-то может их подслушать.

Выскользнув из-за своей решетчатой перегородки, к ним направился хозяин. Покопавшись в складках одежды, коренастый вытащил и со вздохом протянул хозяину на открытой ладони несколько мелких монет. Как мог разглядеть со своего места Артем, монетки были медные.

– Все, что у нас есть, – сказал коренастый.

– Этого хватит на одну плоску пустого риса и большую лепешку. Лепешку я добавляю от своей доброты. Больше ничего не получите, в долг я вас кормить не стану.

Судя по тому, как это было сказано, хозяин не впервые видел у себя этих посетителей. Что и подтвердил его следующий вопрос:

– Опять проигрались?

Длинный печально кивнул, а коренастый отвернулся.

– Э-хе-хе... – Хозяин укоризненно покачал головой и направился к решетчатой перегородке. Артему показалось, что трактирщик тоже расстроился. А почему бы ему, собственно, не расстроиться – деньги ведь получило другое заведение, не его...

А буквально через минуту после этого к Артему пришло долгожданное, неподдельное счастье – ему принесли поесть. Счастье пришло, между прочим, в лице девушки с набеленным лицом и кроличьими зубами. Судя по этим зубкам, она состояла в кровном родстве с хозяином харчевни, а если принять во внимание разницу в возрасте – скорее всего, приходилась ему дочерью.

Она сперва принесла и поставила перед Артемом дымящуюся плоску с рисом. Судя по густо покрывавшим рис темным крапинкам и по достигавшим ноздри Артема душистым запахам, рис был от души нашпигован приправами. Столовые приборы – это вам не «Астория»

– принесли не на отдельной тарелочке и завернутыми в салфетку, нет, палочки-конго по-простому были воткнуты в рис.

Следующим заходом девушка-зубастик принесла глиняный сосуд, для Артема более похожий на маленькую вазу колбообразной формы. В «вазе» – понюхал гимнаст – было сакэ. «Где-то на пять полновесных глотков. И нечего эти глотки откладывать. Пора приложиться».

Артем знал, что, глотая из горла, не нарушает этикет. Так поступали и другие посетители этого трактира. К слову сказать, знаменитый японский напиток Артем пил впервые в жизни.

Сакэ оказалось теплым, чересчур пряным и неожиданно малоградусным. Артем ожидал встречи с чем-то вроде водки, а это... С чем это сравнить? Артем не был столь искушен в спиртных напитках, чтобы сходу найти удачное сравнение, все-таки карьера воздушного гимнаста была никак не совместима с карьерой алкоголика, и спиртное он употреблял весьма редко, даже не по праздникам, а исключительно по великим праздникам... «Во, сообразил с чем сравнить! Сакэ это похоже на подогретую бражку, в которую добавили специй из пакетика к вьетнамской лапше. Пить, конечно, можно... особенно ежели больше пить совершенно нечего».

Вскоре на столе у Артема появилось деревянное блюдо с рыбным салатом. Потом – суп и лепешки. Ко времени появления на столе плоски с суси Артем уже управился с пятью глотками сакэ и, честно говоря, захотел еще. Не потому что пленился качеством продукта. А просто... ну, бывают такие моменты, когда хорошо пьется.

Сейчас был именно такой момент. С каждым глотком отпускало напряжение, которого накопилось как в добром конденсаторе. По телу разливалось приятное тепло, и, как лед в жару, таяло ощущение враждебности окружающего мира, которое не оставляло Артема с самого первого дня его пребывания на японской земле и лишь ненадолго, совсем ненадолго, оставило его в монастыре.

В голове пискнул предостерегающий сигнал: так ведь можно потерять над собой контроль, что-то не то сболтнуть, чем-то выдать себя... Да, например, просто снять шляпу-амигаса и показать свое истинное лицо. «Ничего, – Артем тут же себя успокоил, – напиваться в сосиску никто не собирается. Чего-чего, а вовремя останавливаться я всегда умел».

– Мой сосуд опустел. – Артем протянул девушке «вазу». – Я бы ничего не имел против получить еще один такой же... А лучше сразу два сосуда.

Видимо, он сказал и сделал что-то не то. Что не принято в здешнем взыскательном обществе. Потому что девушка – она сидела на коленях возле столика, одной рукой раздвигала плоски и прочую посуду, освобождая место, чтобы поставить на стол блюдо с тофу⁹, – настолько изумилась, что чуть не выронила это самое блюдо.

– Принести тебе сразу еще два сакэ, господин? – переспросила она, правда, взгляд на Артема так и не подняв.

– Да. Сразу два.

Артем перехватил завистливый взгляд от соседнего столика. Понятно. Братья-циркачи, которым недавно эта же девушка принесла одну на двоих плоску риса и лепешку (даже издали было видно, что черствую), сравнивали свой стол с соседским и ничего, кроме зависти, естественно, испытывать не могли.

И тут, видимо, подействовало уже основательно впитавшееся в кровь сакэ.

Артема вдруг посетил приступ отчаянной жалости к собратьям по ремеслу, к таким же цирковым, как и он сам. Это что же получается – он будет жрать и пить от пуза, а они в это время будут грызть черствую лепешку, которая не вернет им потраченные силы и не придаст новые! Да кто же он после этого!

– Вот еще что... – Артем едва-едва, невесомо прикоснулся к краю широкого рукава кимоно этой славной девушки. – Принеси еще сакэ этим двум славным людям за соседним

---

⁹ Тофу – сыр, который готовится в основном из соевого белка и по внешнему виду напоминает творог.

столиком. Скажешь им, что я видел сегодня их выступление, мне понравилось, и я хочу сделать им подарок. И вот еще...

«Да плевать, – подумал Артем. – Удивлять, так на полную. Делать жест, так широкий». (Ох, видимо, взбурленная алкоголем кровь уже основательно добралась до коры головного мозга.)

– ...Скажи хозяину этого славного чайного домика, чтобы накрыл им такой же стол, как и мне. За мой счет.

И вот тут-то девушка все же выронила блюдо, чуть не просыпав тофу на циновки. Девушка зашла еще дальше, совсем далеко – она осмелилась поднять глаза на господина в шляпе-амигаса. Она открывала-закрывала рот, не зная, что сказать.

«Ничего, – подумал Артем. – У меня на все их удивления есть хорошая отмазка: я послушник, долгое время жил по монастырским законам, вдали от людей, многое забыл, от многого отвык. Мне все простительно... А вообще, лучшее средство для выведения из ступора – это деньги». Он достал еще одну серебряную монету и положил на циновку рядом с коленом девушки.

– Передай это хозяину вместе со всеми моими пожеланиями...

Пожелания, разумеется, были исполнены. Деньги – великая сила даже в древнейшей древности.

Как же вытянулись лица японских цирковых, когда им стали приносить блюдо за блюдом! А потом принесли еще и сакэ. Сакэ им принес сам хозяин, он прошептал что-то, низко наклонившись над их столом, затем показал рукой в сторону Артема.

С выражениями благодарности к Артему поспешил коренастый. Он склонился в почтительном поклоне.

– Мы благодарны тебе, незнакомый господин. Мы рады, что наше выступление так понравилось тебе...

– Не стоит, – махнул рукой Артем, к тому времени прикончивший уже второй сосуд с сакэ. – К тому же мне не все у вас понравилось. Вот почему, ты мне скажи, вы не делаете прыжок назад с переворотом в воздухе? Не умеете или страшно?

Уже на этой, второй «колбочке» Артем понял, в чем коварство спиртного напитка из четырех букв, – в том, что пьянеешь незаметно. Вроде ничего особенно опасного с тобой не происходит – пьешь и пьешь, не чувствуя подвоха, а потом вдруг хмелеешь внезапно, разом, одномоментно. Накрывает хмельной волной, как цунами.

– Ты знаком с нашим ремеслом? – удивился коренастый.

– Знаком, знаком. Когда-то, до того как стать послушником, я тоже... по... ик... побыл странствующим акробатом. И еще дам совет. Вам лучше не отдельными номерами работать, а изобразить какую-нибудь историю. Для бродячей труппы так намного удобнее. Поясню. Выберите какую-нибудь историю. Э-э, ну, не знаю... Допустим, какую-нибудь легенду о героических подвигах в эпоху войны... как их там... Тайра и Минамото... И представляйте ее, сопровождая трюками. Театр и акробатика в одном сосуде. Понимаешь, о чем я? Вижу, что не понимаешь... Вот что. Давайте берите и несите на мой стол все подчистую с вашего стола. Нам, цирковым, есть о чем потолковать друг с другом.

– Позвать хозяина? – ошарашенно спросил японский цирковой.

– Зачем нам хозяин! Сами, что ли, не справимся...

Справились. Вскоре стол Артема оказался забит яствами так, что некуда было приткнуть пустую «колбу» из-под сакэ. Сакэ же полилось рекой. Как выяснилось, выпить японские цирковые были совсем не дураки. Особенно за чужой счет. Милая девушка с кроличьими зубками только и успевала подносить сосуды с подогретым напитком.

Их звали Сюнгаку и Рэцуко. Сюнгаку – коренастый. Рэцуко – долговязый. «Славные ребята», – такими они сейчас казались Артему.

«Что-то я разошелся. Надо сбавлять обороты, так можно сболтнуть лишнее или шляпу ненароком скинуть – и кирдык», – взывала к благоразумию та часть Артема, которая еще не попала под действие сакэ, меньшая часть. «Все равно я никуда отсюда не уйду», – заговаривала разум другая, большая часть, уже с сакэ познакомившаяся и желавшая добавки.

А разговор лился плавно, как сакэ. Цирковым нетрудно друг друга понять, пусть их и разделяют века и цивилизации. Артем рассказал парочку историй из жизни монастыря (все-таки надо было поддержать легенду о послушнике), но все больше беседа крутилась вокруг профессиональных тем. А после того как Артем присоветовал им несколько простейших трюков, с которыми те были незнакомы, они тут же стали зазывать «господина Ямато» (Артем опять воспользовался этим именем) в свою труппу. И очень огорчились, когда Артем сказал, что он дал обет больше никогда не выступать перед публикой.

Судя по тому, как смотрел на их разгуляево хозяин заведения, когда семенил мимо, подобное здесь было не в порядке вещей. Поглядывал он скорее не с осуждением, а с удивлением (иногда чуть челюсть не отвисала до груди). Да и пес с ним! В конце концов, от Артема он сегодня получил немалые деньги, может и закрыть глаза на кое-какие отступления от заведенного порядка.

А потом в заведение вошел первый на сегодня самурай. Все как положено: два меча за поясом-оби, выбритый полумесяцем лоб, волосы на макушке связаны в пучок.

– О, Иширо! – покосился в его сторону коренастый Сюнгаку и нахмурился.

– Кто такой? – спросил Артем, уже без всякого аппетита отправивший в рот горсть риса, подцепив его куском лепешки. – Почему ваши лица омрачились?

– Ты играешь в кости? Ты не был в заведении господина Мегуро?

– Нет.

И тогда коллеги-циркачи рассказали Артему историю. История оказалась до боли банальной.

Азартные игры, наверное, появились еще в пещерные времена и тогда уже начали губить людей. Сначала, не иначе, играли в бросание дубин, ставя на кон лакомые куски от забитых мамонтов. Потом появились новые игры и новые ставки. В стране Ямато, например, прижилась и процветала игра в кости.

Долговязый Рэцуко играл. И не просто играл, а был заражен игрой, не мог прожить без игры. Коренастый Сюнгаку ходил со своим другом в игорные дома в надежде вовремя его остановить, и иногда, как ни удивительно, это ему удавалось. Чаще же – нет. Чаще всего долговязый проигрывался вчистую. Хотя бывало и выигрывал. Впрочем, последнее происходило чрезвычайно редко.

В городе Яманаси (так Артем наконец узнал, как называется этот населенный пункт) играли у господина Мегуро.

– А ронина Иширо господин Мегуро нанял для охраны своего заведения, – сообщил коренастый Сюнгаку.

– Заведение господина Мегуро уже закрылось? – спросил Артем.

– Оно открыто до утра, – сказал долговязый Рэцуко. Уж кому знать, как не ему.

– Почему же он здесь, а не рядом с господином Мегуро? – спросил Артем. И счел нелишним напомнить, хотя надобности в этом не было: – Долго я состоял послушником, оторвался от жизни, многое невдомек и удивительно... ик...

– Иширо – самурай, а Мегуро – просто богатый горожанин, – сказал Сюнгаку, допив очередную глиняную бутылочку сакэ. – Иширо уходит, когда считает нужным. Не будет же он спрашивать разрешения?

– Ох, уж этот Мегуро, все из-за него, – покачал головой Рэцуко.

– И так, – потом на пару завздыхали японские цирковые, – едва на еду удастся заработать, а из-за таких, как Мегуро, совсем ничего не остается.

Да, сегодня они поедят, спасибо господину Ямамото, на завтра еды в животе хватит, за завтра они дойдут до города Дзути, там выступят и что-то, может быть, заработают и только тогда снова поедят.

– Совсем-совсем ничего не осталось? – переспросил Артем. – Ни медяка?

– Ни медяка, – грустно вздохнули оба.

Будь Артем трезв, наверное, такое ему бы в голову ни за что не пришло... Но трезв он не был. Жалость к собратьям по цирковым мучениям под воздействием по-прежнему рекой льющегося сакэ достигла вселенского масштаба. Он чувствовал себя обязанным что-то для них сделать. Это его, Артема Топильского, священный долг...

Пьяный океан расстился перед ним во всей своей легко проходимой безбрежности, и, куда ни ступи, в том океане везде было по колено.

Он поманил собутыльников взмахом ладоней:

– Наклонитесь ближе и слушайте...

Глава пятая ИГРА НА ВЫЛЕТ

*Холод ночной
Даже мошек, летящих на пламя, —
И тех не видно...*

Сики

В сей поздний час в гостях у мастера азартных игр были двое игроков. Одного Артем тут же окрестил про себя Гнилозубом, второго – Носатым. Игра у них шла как-то вяло, чувствовалось, что игроки продувают последние деньги, ставят уже по мелочи, без большой надежды отыграться, но даже слабенькую надежду хочется им продлить как можно дольше, поэтому и не выкладывают сразу все деньги на кон.

Господин Мегуро сидел в торце длинного узкого стола. Перед ним, роняя дрожашую тень на лакированную столешницу, стоял бамбуковый стаканчик. Когда приходило время, Мегуро брал его, подолгу тряс и выбрасывал на стол кости – синий и красный кубики. После чего делил горстку монет на столе в соответствии с тем, кто сколько выиграл. Свои монеты Мегуро сразу же укладывал в коробку и тут же плотно задвигал крышку. Коробку он немедленно прятал под столом.

Хозяин этого игорного заведения производил впечатление человека преуспевающего и жизнью весьма довольного: с солидным брюшком, с округлыми щеками, в белом, вышитом журавлями и хризантемами шелковом кимоно. Образ дополняли надменный взгляд и повелительные интонации. Вряд ли Мегуро получает баснословные барыши, все ж таки городишко довольно заштатный и крупной игры здесь не бывает, но свой верный, постоянный доход он, конечно, имеет – такие болезненно пристрастные к азартным играм люди, как долговязый Рэцуко, будут исправно приносить ему в клюве свою последнюю денежку. Поэтому хоть и не принадлежал Мегуро к самурайскому роду-племени, но среди горожан он, разумеется, человек заметный и влиятельный. Отсюда и жизнью своей доволен.

Артем устроился напротив двух других игроков – Гнилозуба и Носатого. Садясь, поморщился – опять придется подвергать себя мучениям. И без того весь сегодняшний вечер он провел в позе «сидя по-японски». Так долго высиживать на пятках ему еще не доводилось. С непривычки еще в чайном доме начало сводить мышцы и приходилось то и дело переносить вес тела с одной ноги на другую, вертеться и ерзать.

Зато прогулка по свежему и прохладному воздуху от чайного заведения до игорного – а это почти через весь ночной город – немного отрезвила Артема. Правда, отрезвила не настолько, чтобы вернулось утраченное благоразумие, но хоть руки-ноги сделались более послушными и в глазах перестало двоиться. Перед самым игорным порогом его даже посетила вполне здравая, трезвая мысль: «А стоит ли? Плохо ведь может кончиться». Но мысль эта утонула в затопившем разум океане хмельной бесшабашности. Море в эту ночь ему было стопроцентно по колено.

– Кто ты? Почему не снимаешь амигаса? – ворчливо спросил Мегуро у вновь прибывшего.

– Я не могу снять амигаса, уважаемый Мегуро, и вот почему... – Артем вздохнул и завел монолог про то, как он послушником служил. Произнося уже наизусть заученный за сегодняшний вечер текст, гимнаст огляделся. Висевшие на стенах этого помещения какэмоно¹⁰ были сплошь нравоучительного содержания, например: «Кто груб и драчлив, тот подобен омерзи-

---

¹⁰ Какэмоно – длинные полосы бумаги или ткани, с нанесенными на них рисунками или надписями.

тельной гусенице». В общем, остальные и читать не стоило. В углу комнаты, неподалеку от хозяйского места, находилась ступенчатая бамбуковая этажерка. На ее полках стояли вырезанные из кости и дерева фигурки, деревянные коробки, чашки и кадушки, лежали какие-то свитки, на нижней полке Артем увидел чашечные весы. В приоткрытую дверь в соседнее помещение был виден сложенный на полу круглый очаг, над которым висел котелок со сплюснутым с одной стороны краем, делавшем его похожим на чайник. Возле очага мелькала женщина. «Женщина – это плохо, это слишком много ненужного крика, – подумал гимнаст. – А некоторые так кричат, что куда там корабельному ревуну».

– И вот я здесь, – закончил Артем повесть об обетах и, демонстрируя серьезность своих намерений, выложил на стол серебряную монету.

Мегуро важно кивнул, показывая, что великодушно разрешает Ямамото оставаться в амигаса. Потом Мегуро нагнулся и постучал пухлым пальчиком по белой черте на столе – призвал делать ставки.

Артем узнал от своих новых знакомых, коренастого и долговязого, правила игры в японские кости. Правила оказались весьма простыми. Ставишь на чет или нечет. Хозяин бросает кости. Складываешь выпавшие числа и узнаешь, выиграл ты или проиграл. Куда уж проще...

Ага, вот и выяснилось, для чего нужны весы. Носатый достал из-за пазухи тряпичный мешочек, передал его Мегуро и показал три пальца. Игровых дел хозяин проворно поднялся, подошел к бамбуковой этажерке (при этом коробку с деньгами он захватил с собой, держа ее под мышкой), опустился там на колени, снял с полки весы, поставил перед собой. На одну чашку он поставил три крохотных бронзовых цилиндрика, а на другую стал сыпать из мешочка, полученного от Носатого, что-то темное, порошкообразное. Когда чашечки уравнились, Мегуро завязал мешок, снял с весов чашечку с порошком, ссыпал его в маленькую деревянную кадушечку, потом плотно закрыл ее крышкой и вернул кадушку на полку.

«Перец», – вдруг понял Артем. Это был обыкновенный молотый перец. То ли черный, то ли красный.

В, мягко говоря, не очень трезвой голове Артема стали возникать, сменяя друг друга, планы, один грандиозней другого. Организовать транс-восточную, японо-индусскую компанию по поставкам из Индии пряностей, а из Японии возить им морем древесину кедра, готовые барабаны-тайко, сакэ и новые, предложенные им, воздушным гимнастом, технологии. Проложить торговые пути во все пределы и держать их под личным контролем, получая баснословные прибыли. А дальше можно будет и до Руси-матушки добраться. Основать Великий самурайский путь. А из Руси лен возить, пеньку, соболиные меха, медок...

Тем временем Мегуро вернулся на свое место за столом, достал из денежной коробки две мелкие монеты и толкнул по столу к Носатому. Тот поставил справа от черты. То есть на чет.

Хозяин взял в руки бамбуковый стаканчик, затряс им, выбросил кости на стол. Выпало «пять» и «два».

Ничем не выказал Носатый своего расстройств. Разве что чуть больше прежнего сторбился. Почему так – Артем знал. Цирковые обмолвились, что выказывать свои эмоции за игровым столом, будь то радость или горе, есть проявление невыдержанности характера, что крайне предосудительно и даже непозволительно игроку в кости. Сначала будь добр покинуть заведение, а там уже рви на себе волосы и кляни предательницу фортуны...

Тут выяснилось, что и Гнилозуб намерен расплачиваться отнюдь не звонкой монетой. Гнилозуб вытянул из-под стола узелок, развязал горлышко, посмотрел с печалью на содержимое, подумал и показал Мегуро один палец. Хозяин опять поднялся, сходил к этажерке, все так же зажимая коробку с деньгами под мышкой, взял со средней полки ковшик, подошел к Гнилозубу, зачерпнул из его мешка что-то белое, крупчатое... Рис! «Ах да, – вспомнил Артем, – рис же у них тут даже более ходовая валюта, чем китайские деньги». В мерном ковшике Мегуро

отнес рис к большой деревянной коробке, стоявшей возле бамбуковой этажерки, и высыпал его туда. А взамен риса выдал Гнилозубу одну монету.

Все делалось не спеша, с ритуальной основательностью. Если учесть, что вся игра – бросить на стол кости и посмотреть, что выпало, то подготовка к игре составляла большую часть действия.

А вот Гнилозубу удача улыбнулась. Он поставил тоже на чет и выиграл. К своей исходной монетке он присовокупил еще одну, точно такую же. Но с ходу делать новую ставку он не спешил. Видимо, прежде хотел переварить свое маленькое счастье.

Сыграв с этими двумя игроками, Мегуро вопросительно посмотрел на Артема. Мол, будешь ставить? Артем положил серебряную монетку слева от черты, то бишь поставил на нечет.

Игорных дел мастер Мегуро взял в руки бамбуковый стаканчик, затряс им. Застучали о его стенки кости. Выпало «шесть» и «четыре». Артем проиграл.

С печальным вздохом гимнаст поднялся на ноги.

– Не будешь больше играть? – спросил Мегуро.

– Буду, – сказал Артем, чуть приседая и тем самым разминая мускулы ног. – Но по своим правилам.

Гимнаст быстро наклонился, ухватил стол за край и опрокинул его на сидящих напротив Носатого и Гнилозуба. В один прыжок Артем оказался возле хозяина, но Мегуро проявил прямо-таки чудеса проворства. Хозяин игорного заведения вцепился обеими руками в коробку с деньгами, прижал ее к себе и перевернулся на живот. Теперь выдрать коробку из рук Мегуро можно было, только оторвав вместе с ней руки или огрев его чем-нибудь тяжелым по голове. Но зверствовать Артем не собирался. Ага! А если мы...

Артем метнулся к бамбуковой этажерке, схватил кадушечку с перцем, рванул назад, срывая с кадушки крышку. И потряхнул кадушкой над Мегуро.

Едкое красноватое облачко за клубилось над головой хозяина заведения. Мегуро закашлялся, перевернулся на бок, рефлекторно вскинул правую руку к лицу и принялся тереть глаза. Воспользовавшись ситуацией, Артем выхватил у него коробку. И бросился к выходу.

Удар по голени сбил Артема с ног, и гимнаст повалился точнехонько на этажерку, обрушивая ее на пол. Что-то прямо под ним хрустнуло, что-то с грохотом упало, что-то с шорохом рассыпалось и покатилося.

Бо-о-ог мой, какой позор! В трезвом состоянии он, акробат, «рожденный в опилках»¹¹ циркач, ни за что не свалился бы эдаким нелепым мешком, ставь ему хоть три подсечки, бей его хоть по трем голеним. А тут еще эта идиотская шляпа-амигаса съехала на глаза, и он перестал вообще что-либо видеть. Не увидел он и того, кто влепил ему ногой под дых и выдрал коробку. А это уж совсем поз-зорно, бли-ин...

Дыша часто и глубоко, Артем с трудом разогнулся и поднялся на ноги. Поправил шляпу. И едва не получил уже в лицо чашкой от весов... В последний момент Артем каким-то наитием все же сумел отклониться, и чаша разошлась с лицом буквально в миллиметре.

Гимнаст отпрянул и увидел, что Носатый вновь замахивается весами. Еще Артем успел заметить, что Мегуро сидит на полу и трет глаза, из которых градом льют слезы. Но главное – это то, чего Артем не увидел. А не увидел он в помещении ни Гнилозуба, ни коробки с деньгами. Вот оно как, значит...

Второй раз увернуться от металлической чашки акробату составило гораздо меньше труда. Только, спрашивается, что дальше? Потому что все пошло не по плану, пошло наперекосяк. Полетело все к чертям свинячьим!

---

¹¹ Так называют детей из цирковых семей, выросших при цирке.

Э-хе-хе, а задумка казалась такой простой и такой гениальной. Собственно, Артем ничего не выдумывал, он просто позаимствовал опыт криминального российского лихолетья последних лет. Наверное, всякий россиянин помнит, как в перестроечные годы начинающие бандиты из числа бывших спортсменов «уговаривали» тоже начинающих бизнесменов отдать им под охрану их ларек или магазин. Сначала требовалось наглядно продемонстрировать, как это бывает плохо, когда ларек или магазин стоит без охраны, а уж потом всего-то и оставалось, что предложить свои услуги.

Артем не предлагал своим новым японским приятелям брать игорное заведение под охрану. Он предложил всего лишь вернуть похищенную коробку с деньгами (ясно, что про коробку и про то, где она хранится, ему рассказали японские цирковые), за что непременно должно было последовать вознаграждение. Коробку похищает «Ямато», возвращают Рэцуко и Сянгаку. И не придется бродячим цирковым голодать до следующего представления, и с «Ямато», у которого тоже деньги не бесконечны, а путь впереди дальний, они смогут поделиться.

Идея японским циркачам понравилась до чрезвычайности, они без колебаний, даже можно сказать – с охотой, согласились. Тем более им самим и делать ничего не надо было, всю трудную работу добровольно взваливал на себя «бывший послушник монастыря на горе Энку». Вот такой был замысел, и он полетел ко всем чертям...

А тут еще Артем увидел, что из соседнего помещения выскочила пожилая женщина с кипящим чайником в руке. Не надо быть троемудрым академиком, чтобы сообразить, что сейчас последует. Быть ошпаренным кипятком акробату совершенно не хотелось. Увернувшись в третий раз от чашки весов, Артем толкнул Носатого в грудь, чтобы тот повалился на пол и загородил путь опасной женщине, и бросился на улицу.

Он добежал до угла дома и тут обнаружил еще одну неприятную вещь: Сянгаку и Рэцуко, которые должны были ждать за углом появления «Ямато» с деньгами, сбежали. «Чуть протрезвели, поняли, что впутываются в чреватое дело, и трусили», – решил Артем. Настроение упало ниже самого низкого плинтуса. Страшно захотелось еще чего-нибудь выпить. Слава богу, оставалась последняя монета – кстати говоря, та самая, золотая с выщерблинами по краям. Артем знакомой дорогой направился к чайному дому господина Симадзу Касю...

Глава шестая

НЕМНОГО О «ПОЦЕЛУЯХ ДОЖДЯ», «СЕРЕБРИСТЫХ КОШКАХ» И О ПРАВИЛАХ СВОЕВРЕМЕННОГО БЕГСТВА

*Все ждала я, когда,
ну когда же услышу кукушку —
да так и заснула...*

Тий-лзё

...Артем недолго раздумывал над предложением Симадзу Касю. А предложил тот, когда Артем протянул ему золотую монету (в лучших традициях, трактирщик немедленно попробовал ее на зуб), к заказанным бывшим послушником комнате на ночь и пяти бутылочкам сакэ еще и гейшу. Впрочем, господин Симадзу не употребил слова «гейша», это уже Артем так для себя перевел, вспомнив стандартный набор былых представлений о Японии. Выразился трактирщик гораздо проще и яснее:

– Не желает ли господин послушник, чтобы его постель согрела женщина?

– Желает, – незамедлительно произнес Артем. И вовсе не потому он так ответил, что побоялся вызвать отказом подозрения. Дескать, странно это – человек, столь долго обходившийся без женщин, отказывается ублажить свою уставшую от воздержания плоть. Наверное, если бы послушник отказался, это как раз не выглядело бы странно: мало ли какие религиозные убеждения ему мешают согласиться. Нет, Артем согласился, не раздумывая, по другой причине. Женщина – это как раз то, что может растворить в себе все беды и неудачи прошедшего дня и ночи, вдохнуть в тебя новые силы, которые ой как понадобятся в дальнейшем, а это дальнейшее наступит уже завтра с рассветом.

«Будут ли меня искать в эту темную-темную ночь?» – этим вопросом Артем озадачился еще по дороге в чайный домик господина Симадзу. И пришел к выводу, что не будут. Потому что Мегуро нужна коробка с деньгами, и он отправит всех, кого сможет, искать Гнилозуба, укравшего заветную коробку. А бузотер в шляпе ему сегодня ночью будет не интересен. И он либо плюнет на него вовсе, либо отложит поиски на завтра. А завтра здесь не будет уже самого Артема...

Артем, признаться, ожидал, что его поселят в какой-нибудь келье метр на метр, но комната оказалась на удивление просторной, располагалась на втором этаже чайного домика, имела окно, по ночному времени сейчас закрытое ставнями; в ней был соломенный тюфяк и столик, на который Артем тут же определил прихваченные снизу пять бутылочек сакэ. Пол комнаты, ясное дело, был застелен циновками.

Как он станет выходить из положения невозможности открыть свое лицо, Артем уже подумал. Тут было над чем подумать. Заниматься любовью в шляпе-амигаса – это, знаете ли, не просто неудобно. Это гораздо хуже – это глупо и смешно.

Он успел приговорить всего лишь одну бутылочку сакэ, когда дверь чуть-чуть, буквально на ширину пальца, приоткрылась, и он услышал:

– Господин разрешает мне войти?

Господин разрешил.

Великой красотой девушка не блистала, но была мила, телом стройна и молода. Она принесла с собой бива – своего рода японскую гитару, больше, правда, похожую не на гитару, а на дутар. Но вот музыки Артему сейчас совершенно не желалось, как-нибудь потом.

– Как тебя зовут? – спросил гимнаст, показывая ей, чтобы присаживалась рядом с ним на тюфяк.

– Кэйко. – Она села рядом.

– А меня – Ямамото.

Надо сказать, Артем впервые в жизни имел дело с платной женщиной, сиречь представительницей древнейшей профессии, жрицей платной любви, женщиной легкого поведения – в общем, как хочешь, так и называй, а названий этих хватает. В прошлой жизни в том не было нужды. Да и вообще до сего дня он не представлял, как можно платить за любовь. Однако сейчас он понял, что можно, бывают такие моменты в жизни.

Артем не знал, о чем говорить, но не молчать же? И не набрасываться же сразу так прямо!

– Ты откуда родом? – спросил гимнаст.

– Я родом из Касивадзаки. – Говоря, она смотрела по здешнему женскому обыкновению не на мужчину, а в пол.

– Откуда?! – невольно вырвалось у Артема.

– Из Касивадзаки, – повторила девушка по имени Кэйко, похоже немало заинтригованная такой странной реакцией на свои слова.

Но ничего странного на самом деле не было. Просто Артем вспомнил переданные ему настоятелем монастыря слова чиновника Кумазава Хидеёши: «В селении Касивадзаки ты можешь обратиться к мастеру Мацудайра и к моей сестре, что живет в доме Мацудайра, и они тебе помогут».

– Это селение, известное тем, что там живет мастер Мацудайра? – спросил Артем.

– Да, – кивнула она. И добавила с гордостью: – Мастера Мацудайра знают по всей стране Ямато.

– Ты сама давно оттуда?

Она задумчиво принялась загибать пальцы. Загнула четыре.

– Четыре дня.

– И как здоровье мастера?

– Он здоров. Будь он нездоров, все в Касивадзаки знали бы об этом.

– А селение Касивадзаки далеко отсюда?

Вопрос не должен был ее удивить. Наверняка она уже знает, что перед ней паломник, если что-то и знавший раньше, за долгие годы окончательно оторвавшийся от мирской жизни. И вопрос ее не удивил.

– В пяти ри отсюда.

«Почти в двадцати километрах, в общем-то недалеко, четыре часа бодрого ходу, – подумал Артем. – Уж не есть ли такая близость – знак судьбы, а? Ее, так сказать, указующий перст». Полученные сведения требовалось немедленно всполоснуть. Да и в горле уже, между прочим, пересохло.

– Хочешь? – Артем протянул Кэйко бутылочку сакэ.

Акробат почему-то полагал, что девушка откажется. Может быть, ее показная скромность наводила на подобные мысли? Но та не отказалась. И глоток сделала весьма внушительный.

– Хочешь я тебе сыграю и спою? – предложила она.

– Давай лучше попозже, хорошо?

– Хорошо. А хочешь я сделаю тебе «бег жука по стеблю бамбука»?

Теперь уже она заинтриговала Артема. Заинтриговала настолько, что он согласился, не спрашивая, что это за «жук» такой.

– Только одно условие, – вдруг вспомнил Артем. – Господин Симадзу тебе говорил о моем обете?

Она кивнула.

– Я не могу показывать свое лицо людям. Поэтому я прошу, чтобы ты завязала глаза. Ты не против?

– Ты – очень странный, господин Ямамото. Как я могу быть против! Я сделаю все, что ты попросишь, господин. Завязать мне глаза можешь моей лентой.

Эти ее слова легли бальзамом на сердце. В этом что-то есть, когда женщина называет тебя «господин» и говорит, что сделает для тебя все, что ни попроси. Как говорится, все бы так.

– А это не помешает жуку бежать по стеблю бамбука?

– Не помешает, господин.

Вскоре Артем убедился, что и вправду ничто ничему не мешает. Он крепко завязал Кэйко глаза коричневой лентой, а потом, как попросила Кэйко, разделся и лег на живот. Сперва ничего не происходило. Он слышал только, как шуршит сбрасываемое кимоно. Потом его затылка коснулись теплые мягкие губы, а спины – соски небольших крепких грудей. Губы заскользили вниз, пробежали по шее и побежали по позвоночнику – как жук по стеблю бамбука.

Артем и не подозревал, что прикосновения языка и губ к этой, отнюдь не самой чувствительной в эротическом отношении, части тела могут быть так приятны. Язык нырял во впадинки между позвонками, огибал бугорки позвонков, губы захватывали кожу, оттягивали ее и тут же отпускали, а по телу Артема одна за другой, как «барашки» по Черному морю, бежали теплые волны и разбивались, как о волнорез, внизу живота. Артем ощущал, как нарастает в нем нетерпение...

– Хочет теперь господин попробовать «весеннего ветра над ячменным полем»? – спросила Кэйко, вдруг оторвавшись от «стебля бамбука».

– Господин хочет. А... Какая дорога ведет отсюда в Касивадзаки? – повернув голову на тюфяке, спросил Артем хриплым от возбуждения голосом.

– Та, на которой стоит чайный домик господина Симадзу, – сказала Кэйко. – На первой развилке надо свернуть направо и держать путь на гору ёси-то. Ее ни с чем не спутаешь – вокруг ее вершины всегда клубятся облака. Но если господин станет разговаривать, это ему помешает достичь вершины блаженства. Перевернись.

Артем перевернулся. И спустя несколько секунд желание разговаривать исчезло напрочь – будто и нет на свете вовсе такого желания.

Кэйко легла сверху. Ее мягкое тело пахло лавандовым маслом и еще какими-то душистыми травами. Она принялась двигаться на нем, извиваться, вроде бы случайно задевая уже совсем другой стебель «бамбука», который сейчас по своей упругости и устремленности вверх мог бы посоперничать с бамбуком всамделишным. Потом она впустила этот «стебель» в себя. И задвигалась в бешеном ритме.

А потом вдруг она выпустила «стебель» из себя и снова легла сверху. Так она и продолжала «издеваться» над Артемом. То возьмет в себя, то отпустит. Едва почувствует, что он стремительно движется к развязке, как выпускает из себя. В этот момент раздражение окатывало Артема. Хотелось крикнуть: «Куда ж ты! Стой!» Но когда он достиг вершины блаженства, вернее, орлом взлетел на нее, то сполна ощутил, что затянувшееся ожидание было не напрасно – это было подобно термоядерному взрыву или выплеску лавы из вулкана.

Когда вулкан стих, он вконец обессиленным рухнул на тюфяк.

Силы вернулись неожиданно быстро. Может быть, благодаря игривым пальчикам, поглаживающим бедра и... не только их. Можно сказать, только что закончился первый раунд любви, не было почти никакого перерыва, а Артем – чего с ним обычно не бывало – почувствовал себя всецело готовым ко второму раунду. Его готовность не могла укрыться от Кэйко. Как тут укроешься!

– Я сделаю тебе «поцелуй дождя». Хочешь?

И опять Артем не стал отказываться... Однако узнать, каков он, «поцелуй дождя», ему было не суждено.

В коридоре раздался топот бегущих ног.

– Ямамото, Ямамото! – раздался за дверью жаркий двухголосый шепот.

Артем узнал голоса – Рэцуко и Сюнгаку, жалкие трусы.

– Я занят! – крикнул гимнаст. – Утром!

– Это очень срочно, Ямамото! Очень и очень! Мы должны тебе кое-что сказать!

– Ладно, сейчас я вас впущу, ждите!

Проще будет отвязаться, поговорив с ними. В конце концов, у них с Кэйко вся ночь еще впереди.

Артем по-солдатски сноровисто оделся – любой сержант порадовался бы затраченным на это секундам.

– Кэйко, мне надо поговорить с этими людьми, – сказал Артем, надевая ненавистную шляпу-амигаса. Он опустился на колени рядом с тюфяком и снял с глаз Кэйко повязку.

Девушка не стала выпрашивать, что да почему.

– Господину достаточно выглянуть в коридор и позвать меня: «Кэйко!» Я тут же вернусь.

Она подхватила с циновок одежду и, держа ее в руках, выпорхнула в дверь мимо постонившихся Сюнгаку и Рэцуко. Те немедленно вошли в комнату и задвинули за собой дверь.

Перебивая друг друга, долговязый Рэцуко и коренастый Сюнгаку рассказали Артему, что с ними произошло. Они делали все так, как велел Артем – ждали его появления за углом дома. Но вместо Ямамото увидели игрока, которого Артем прозвал про себя Гнилозубом, – тот пробежал мимо них, зажимая под мышкой коробку с деньгами. Уж эту коробку что Сюнгаку, что, в особенности, Рэцуко знали распрекрасно и ни с какой другой перепутать не могли. Догадавшись, что все пошло не по плану и денежки уплывают в неизвестном направлении, они вдвоем помчались за Гнилозубом. На вопрос Артема: «Почему никто из вас не остался дожидаться меня или не пошел посмотреть, не требуется ли мне помощь?» – ни Сюнгаку, ни Рэцуко ничего внятного ответить не смогли.

Гнилозуба они догнали без труда – все же тренированные циркачи. Гнилозуб отдал коробку без сопротивления, да и какие у него могли быть шансы! Завладев коробкой, Рэцуко с Сюнгаку побороли искушение забрать все себе и в согласии с первоначальным планом принесли коробку Мегуро. Игорный хозяин первым делом пересчитал монеты и остался очень доволен. Радость его была непередаваемой. Но, вопреки расчету Артема, он предложил не вознаграждение за труды, а работу. «Я откажу Иширо, мне не нужен охранник, который уходит, когда захочет, – сказал господин Мегуро. – Но мне будут нужны новые охранники. Ребята вы крепкие, быстроногие и честные. Хватит вам бродяжничать и собирать гроши. Пойдете ко мне? Только вы оба должны будете дать клятву, что сами никогда не возьмете в руки кости».

– Мы согласились, Ямамото-сан, и дали клятву, какую потребовал Мегуро, – сказал Сюнгаку, отхлебнув из великодушно врученного ему Артемом сосуда с сакэ. – Город Яманаси нам нравится, а странствовать уже надоело. Плохо только то, что Мегуро не дал нам денег прямо сейчас, а просить мы не посмели. Вдруг он рассердился бы и передумал брать нас в охранники. Завтра утром мы пойдем к нему. Если ты пересидишь ночь, то завтра утром, быть может, нам удастся что-то получить от него, и мы с тобой поделимся, Ямамото.

– Вот так всегда, – с грустью произнес Артем, поставив на столик опустевший сосуд из-под сакэ. – Делаешь кому-то добро, а сам остаешься ни с чем. Значит, у вас все хорошо? Поздравляю. Вы уж тогда не останавливайтесь на достигнутом, двигайтесь дальше! – Артем говорил раздраженно, он испытывал такое ощущение, будто его обманули. – Чего уж притормаживать! Подберите под себя другие игорные заведения в других городах и селениях! Как действовать, вам теперь известно. Если не поможет простая кража, можно разгромить заведение, можно два раза подряд разгромить. Наберите людей... хоть из числа все тех же бродячих

артистов. Наверняка их немало болтается по пыльным дорогам. Назовитесь как-нибудь звучно. Например, якудза.

– Восемь, девять, три?¹² – удивленно переспросил Сюнгаку.

– Ну ладно, не нравится, назовитесь... да хотя бы белыми драконами. Вот смотрите!

Артем заголил левое плечо и показал им свою татуировку. В комнате раздалось дружное «ах!». Оба циркача невольно отшатнулись от Артема, а Рэцуко даже вскочил с циновки.

– Чего так испугались! – Артем натянул куртку на плечо.

– Ты отмечен знаком Бьяку-Рю? Ты не боишься его могущества? – испуганно пробормотал Рэцуко.

– Отмечен, отмечен. Не боюсь я ничего. Кстати, и себе можете наколоть, чтобы друг друга узнавать. Мол, у кого на плече дракон – тот наш человек. А еще можете говорить всем, что за вами стоит могущество Белого Дракона, чтобы вас все боялись. Установите в вашей организации простые и суровые правила. Кто не с нами – тот против нас. Кто предал нас или проболтался о секретах – того ждет лютая смерть. Кто в чем-то не слишком серьезно провинился и хочет, чтобы его простили, – пусть докажет искренность своего раскаяния, отрезав себе мизинец. Придумайте себе свой тайный язык, который будет непонятен непосвященным. Где-то так, словом, играйте по-крупному, а не ждите милостей от одного Мегуро.

Сюнгаку и Рэцуко слушали Артема, в полном смысле слова открыв рты.

– А что значит «пересидишь ночь»? – вдруг вспомнил Артем странную фразу Сюнгаку. – Почему ночь я должен пересидживать?

– Мы же ему еще не сказали... – Долговязый Рэцуко посмотрел на коренастого Сюнгаку.

– Нам тяжело тебе об этом говорить, Ямамото, – вздохнув, сказал Сюнгаку, – но самурай Иширо ищет тебя по всему городу. Он пришел к Мегуро, когда мы были там. Мегуро рассказал ему о случившемся. Иширо решил, что ты заодно с тем, кого назвал Гнилозубом. Иширо решил, что ты отвлекал внимание, чтобы Гнилозуб смог похитить деньги. Ты – чужой человек в городе Яманаси, поэтому Иширо будет расспрашивать о тебе в первую очередь на постоянных дворах. Постоянных дворов в этом городе два. Заведение господина Тэсэдая и чайный домик господина Симадзу. Иширо направился от Мегуро к постоянному двору Тэсэдая, но там он тебя не найдет и скоро будет здесь.

– Он убьет тебя, когда найдет, – сделал существенное добавление Рэцуко. – Нам бы очень этого не хотелось.

– Мне бы тоже, – пробормотал Артем. – А почему, скажите на милость, этот Иширо ищет меня, а не Гнилозуба?

– Он нам не говорил, – сказал Сюнгаку, – но мы с Рэцуко полагаем, что Иширо посчитал тебя более важным и более сильным противником.

Артем вдруг расхохотался. Он не стал делиться со своими новыми приятелями тем, что его так рассмешило. А рассмешило его то, что количество людей, желающих ему смерти, возрастает буквально с каждым днем.

– И где мне от него укрыться? – отсмеявшись, спросил Артем.

– Иширо очень опасен. – Рэцуко, похоже, истолковал смех «Ямамото» как демонстрацию презрения к опасности. – После того как Мегуро отказал ему от своего заведения, Иширо очень обозлился. Он не остановится, пока не найдет тебя и не убьет.

– Укрыться ты можешь в храме синто, – сказал Сюнгаку. – Мы проведем тебя туда.

– Тогда пошли, нечего рассиживаться! – Артем залпом допил остатки сакэ в последней бутылочке...

---

¹² Я – 8, ку – 9, дза – 3. Слово «якудза» обязано своим происхождением карточной игре, которая распространится в Японии значительно позже, в семнадцатом веке. Игра эта – аналог русской карточной игры в «очко». Разница в том, что максимально возможное число очков в игре не 21, а 19. Стало быть, комбинация 8—9—3 является проигрышной, «прогар». В переносном смысле – бесполезная, даже вредная комбинация.

В коридоре он позвал Кэйко, и та немедленно выскочила из двери напротив.

– Дела вынуждают меня покинуть тебя, моя прелестная Кэйко! – Артем подошел к девушке, приобнял ее. – Но я тебя обязательно еще навещу.

– Буду ждать, господин, мне так жаль, что я не смогла показать тебе «поцелуй дождя», «касание лапки серебристой кошки» и «опадание цветков персика», – сказала Кэйко, и вроде бы в голосе ее слышалось искреннее сожаление – Артему по крайней мере хотелось в это верить.

Сюнгаку, который первым выглянул на улицу посмотреть, свободен ли путь, вновь заскочил в дом, рывком задвинул дверь и замахал руками от порога не хуже мельницы в ветреный день. Артем, дожидавшийся результатов разведки возле лестницы, сразу все понял – на подходе и, возможно, уже очень близко самурай Иширо. Гимнаст взлетел на второй этаж, остановившись на лестнице лишь на мгновение – еще раз приобнять попавшуюся навстречу Кэйко и сказать ей: «Я точно к тебе еще вернусь!»

– Вот он! – услышал Артем сзади крик. – Тебе не уйти!

А потом снова была комната с согретыми телами и еще не успевшим остыть соломенным тюфяком, потом были распахнутые каратистским ударом ноги ставни, прыжок со второго этажа, приземление в треске ломаемых кустов на полусогнутые ноги, старт-рывок в темноту и раздавшийся за спиной новый треск кустов, потом был безумный бег по городу, растянувшийся не на один час, потому что самурай Иширо преследовал неотступно, проявляя чудеса внимательности и сообразительности, отыскивал все убежища Артема, и гимнаста выручали только его быстрые ноги. В конце концов Артему все же удалось оторваться.

Рассвет он встретил на пустынной утренней дороге. Дорога эта – если верить Кэйко, а не верить ей не было никаких оснований, – вела в Касивадзаки. У него не было ни единой монеты, ни крошки еды, ни заплечного короба. После ночной беготни он чувствовал невероятную физическую усталость и душевную опустошенность. Погулял, называется...

– Перст судьбы, – пробормотал Артем, оглянувшись на город Яманаси. – Судьба просто толкает меня в спину в направлении Касивадзаки. Так стоит ли ей противиться?

Глава седьмая В ГОСТЯХ У МАСТЕРА КЛИНКА

*Лед растаял в пруду,
И снова зажили дружно
Вода с водою...*

Тэйсицу

Мастер молчал, прикрыв глаза. Он размышлял. Ему было над чем поразмыслить.

Артем только что закончил свой рассказ. Он повторил мастеру почти слово в слово ту же версию, что когда-то изложил Хидейоши, до того с некоторыми вариациями – разбойнику Масанобу, а впервые испробовал ее на яма-буси... Артем вдруг поймал себя на мысли, что еще немного пооттирается в здешних палестинах, еще разочков ...дцать повторит свой рассказ и сам, того и гляди, поверит в то, что он никакой не воздушный акробат, а самый что ни есть доподлинный доисторический морячок из далекой таинственной Руси, корабль которого буйные шторма занесли в Желтое море и жестоко разбили о скалы. И что спасся из экипажа только он один. Или поверит в другую историю, которую недавно принял на вооружение, – про долгую жизнь послушником в монастыре. Человек – существо странное, себя может убедить в чем угодно...

А еще Артем поведал мастеру клинка об обстоятельствах их с Хидейоши знакомства, о бегстве из плена, о монастыре, куда Хидейоши привез его умирающим и тем спас ему жизнь, о пройденном Испытании, об убийстве всех монахов самураями Нобунаги. Понятное дело, Артем не забыл передать мастеру слова Хидейоши: «В селении Касивадзаки ты можешь обратиться к мастеру Мацудайра и к моей сестре, что живет в доме Мацудайра, и они тебе помогут». Артем не стал скрывать, что слышал их не от самого чиновника, потому как лежал в забытии, когда тот покинул монастырь, продолжив путь в Киото, а от настоятеля монастыря, но разве это что-то меняет? Закончил свой рассказ Артем кратким отчетом о переходе по маршруту «монастырь – селение Касивадзаки» с посещением города Яманаси. А вот о своих похождениях в этом городишке Артем рассказывать не стал. Зачем тратить время уважаемого мастера на всяческие глупости и пустяки!

Теперь оставалось ждать, что мастер клинка скажет в ответ. Например, расплывется в улыбке и скажет: «Устраивайся, дорогой, будь как дома». Или неуловимым движением вырвет из ножен катану и снесет глупую бледнолицую голову. Между прочим, Артем уже успел убедиться в том, что фехтовальный мастер с мечом обращаться умеет. И весьма неплохо умеет. А было это так...

Артем пришел в Касивадзаки. Нашел дом мастера. Вопреки ожиданиям гимнаста, дом мастера стоял не отшибе, а в самом центре селения, являясь, можно сказать, его градообразующим центром. Двор окружала довольно высокая ивовая изгородь, и, судя по тому, как долго Артем шел мимо нее, на территории двора мастера Мацудайра могло поместиться еще одно маленькое селение.

На верхнем бруске декоративных ворот, представлявших собой один каркас без воротных половинок, было выведено: «Почитать императора, изгонять варваров». «Наверное, девиз этой фехтовальной школы», – подумал Артем.

В воротах Артема (закамуфлированного, к слову, все под того же пилигрима с низко надвинутой на глаза шляпой) встретил самурай... Самурай – это, конечно, громко сказано. Скорее, самурайчик. Совсем пацан, но уже, правда, с настоящими самурайскими мечами за поясом-оби и с воинственным выражением совсем детского лица.

– Стой, человек. Кто таков, куда идешь? Отвечай! – Он заступил Артему дорогу.

– Молодой господин! – Воздушный гимнаст низко поклонился, распрямился же не до конца и говорил, находясь в состоянии полупоклона. – Передай мастеру Мацудайра, что пришел человек от Кумазава Хидеёши. Я подожду ответа здесь.

В этой сцене Артем сам себе понравился. Во-первых, не перепутал, поставив собственное имя чиновника после родового имени, а не наоборот по российской привычке – у нас по обыкновению сперва называется имя, потом фамилия. Во-вторых, он, российский акробат двадцать первого века, уже более-менее сносно научился выполнять поклоны и правильно обращаться к здешним людям, в том числе и к самураям, по крайней мере немедленно не вызывая у них подозрения. Налицо успехи, господа.

Самурайчик важно кивнул, приказал ждать у ворот и ушел по дорожке в сторону большого дома. Кроме большого дома отсюда можно было разглядеть и множество других, разной высоты и ширины домов. «Просто какой-то крохотный городок, а не двор мастера Мацудайра», – подумал Артем.

Через несколько минут самурайчик вернулся и провел Артема в тот самый, увиденный издали, большой дом. Мастер принял гостя в зале для фехтования. Сквозь оклеенные полупрозрачной рисовой бумагой окна в зал проникали лучи закатного солнца, и на всем – на стенах, на развешанных по стенам какэмоно, на стойке с деревянными и бамбуковыми мечами, на соломенных матах, которыми был застелен зал, – лежали кровавые отсветы.

Мастер сидел на полу, он был в черной куртке, перетянутой темно-синим поясом-оби, и в черных штанах-хакама. Прямо за ним висела вертикальная матерчатая полоса с надписью: «Кто беспечен в малом, беспечен во всем».

– Меня зовут Ямамото. – Артем глубоко поклонился.

– Садись. – Мастер ладонью показал на место перед собой. – Сними амигаса.

– Я не могу снять амигаса прямо сейчас, господин Мацудайра. – Артем опустил на пятки. – Сперва я должен объяснить, кто я и откуда, иначе...

Договорить Артем не смог. Мацудайра вырвал катану из ножен, двумя взмахами клинка перерубил шляпные тесемки, завязанные у Артема под подбородком, третьим взмахом плоскостью лезвия сшиб шляпу с головы акробата.

Собственно говоря, что именно произошло в эти полмгновения, Артем осознал, лишь когда остался без амигаса на голове. Лишь тогда он проанализировал зрительные и слуховые ощущения, а последние были таковы: что-то смазанно помелькало перед глазами, и еще раздался свист рассекаемого воздуха. И вот Мацудайра снова как ни в чем не бывало сидит, упираясь кулаками в бедра, его катана вложена в ножны, а Артем сидит перед ним с открытым от удивления ртом.

«Не-ет, слишком грубо и прозаично описывать такое словами „вырвал меч из ножен“. Здесь без поэзии не обойтись, – полезло на ум Артему. – Наверное, поэтому японцы столь чувствительны к красоте и необузданно поэтичны – потому что стремятся во всем достичь совершенства, а описать совершенство грубой прозой невозможно».

А между тем, увидев перед собой не японца, а самого что ни есть откровенного и неприкрытого гайдзина, мастер клинка не взорвался гневом, не пошел кромсать чужака в капусту, да и вообще ничем не выразил даже мало-мальского удивления. Будто так и надо, будто звезды ему уже давно талдычили, что сегодня в гости всенепременно зайдет светловолосый чужеземец. Или же мастер превосходно владел собою, или же – от пришедшей на ум версии неприятный холодок пробежал по телу – уже с первого взгляда на фигуру в нелепой шляпе Мацудайра решил для себя, что пришелец не жилец, кем бы он там ни оказался и что бы он там ни наплел.

– Теперь говори, что тебя ко мне привело и откуда ты знаешь Хидеёши, – сказал Мацудайра.

Несколько секунд потребовалось Артему, чтобы окончательно прийти в себя. А когда пришел, то приступил к рассказу о похождениях – выдуманных и взаправду пережитых. Закон-

чив смешанной правдивости повесть, Артем замолчал и теперь ждал ответа мастера. А скорее, даже не ответа – приговора...

Вопреки худшим ожиданиям Артема, мастер клинка ничего такого жуткого не отчебучил. Просто заговорил:

– Я доверяю Хидейоши. Он благородный муж. Он не стал бы помогать недостойному или презренному. Тем более не стал бы просить меня ему помочь. – Мацудайра немного помолчал. – Но я помню, как и Хидейоши ошибался.

Мастер энергично поднялся, подошел к стене и вытащил из стойки два бамбуковых меча. Протянул один меч Артему:

– Попробую узнать, кто ты такой. Кто-то определяет по взгляду, другие – по линиям рук, третьи – по словам. Мне человек становится понятен по его обращению с мечом.

Артем, конечно же, взял протянутый меч, но скептически покачал головой:

– Боюсь, это не мой случай. Я никогда не держал в руке меч. Ни настоящий, ни бамбуковый. Я – моряк и мирный человек. А до того как податься в моряки, немножко побыл бродячим цирковым артистом, что тоже не предполагало обращения с оружием.

– Это все не имеет значения. К тому же это не меч, не оружие, это синай¹³. – Мацудайра вытащил из-за пояса катану и вакидзаси. – Прими прямую стойку, Ямато. Смотри на меня. Ноги поставь на близком расстоянии, не расставляй широко. Носки должны смотреть вперед, всегда должны смотреть вперед... Левую ногу отставь назад и пятку держи оторванной от пола. Вот так. Сейчас ты проведешь атаку, я буду защищаться. Меч можешь держать двумя руками, можешь – одной. Как, ты готов?

– Вроде бы да, – сказал Артем. Не мудрствуя и не выпендриваясь, он скопировал хватку меча у мастера: обхватив рукоять двумя руками, поднял синай на уровень плеча, чуть отвел в сторону от себя.

Конечно, тягаться с фехтовальным мастером в фехтовании – это такое же перспективное дело, как надеяться выиграть в шахматы у Каспарова. Но как тут откажешься! Обязательно сочтет трусом. И сражаться не по правилам (ну, допустим, бить по ногам) тоже нельзя. Посчитает «неблагородным и презренным». Ну, ладно, попробуем все же что-то изобразить...

Чтобы мастеру уж совсем жизнь малиной не казалась, Артем применил-таки одну не шибко подлую штуку. Он вспомнил, как пробиваются гандбольные пенальти, – игроки ложными замахами дергают вратаря, а когда тот малость дезориентируется, внезапно бросают мячик. Вот так же Артем сперва подергал мастера, изображая, что наносит удар, но сам его все не наносил и не наносил. А потом вместо рубящего удара, какой показывал и в чем, казалось, убедил, сделал выпад, метя в область груди...

«Да, вроде бы по их понятиям про самурайскую честь и совесть отвлекающие маневры и прочие хитрые приемчики есть жуткое неблагородство. Ну а по нашим цирковым понятиям мастеру вызывать на бой неумелого новичка – тоже не верх благородного поведения. Это все равно что какой-нибудь Костя Дзю потехи ради возжелал бы продемонстрировать свое боксерское искусство на перворазряднике из районной секции бокса. Так что квиты, мастер...»

Но уловка Артему не помогла. Мастер без труда отбил его выпад, ударив мечом по мечу. И сходу, не прерывая движения, мастер немыслимым образом крутанул синай, и кончик его бамбукового меча легонько стукнул Артема по запястью правой руки.

– Неплохо, – сказал Мацудайра, отступая на шаг. – Руки сильные, есть врожденная быстрота. Даю совет – все время держи руки расслабленными и напрягай их только во время нанесения удара.

Затем мастер скорбно покачал головой:

---

¹³ Легкий учебный меч из бамбука. Еще для упражнений в фехтовании используется боккэн – деревянный, как правило, из дуба, меч.

– Плохо, что у вас разрешены в поединках подобные хитрости. Если бы тебя сейчас увидел Цурутиё, он бы сказал: «Вот какие они, гайдзины, все они такие, им чужды честность и благородство».

Артем не стал выпрашивать мастера, кто такой этот загадочный Цурутиё. И без Цурутиё было чем забить себе голову.

– А проигрывать ты не любишь, Ямамото, – эту фразу Мацудайра неожиданно произнес с отеческой интонацией в голосе, напомнив Артему полковника Мухомора из сериала про ментов и разбитые фонари. – Это хорошая черта.

Мацудайра повернулся вполоборота, чуть согнул ноги, выставил меч перед собой, держа его двумя руками.

– Как я, прими стойку ханми, Ямамото. Готовься, теперь я буду нападать.

Вздыхнув про себя: «И когда же эти игрушки кончатся!» – Артем скопировал стойку мастера. «Ханми, говорите? Ну-ну. Давай, нападай, маэстро...»

Глава восьмая, В КОТОРОЙ АРТЕМ ПОНИМАЕТ, ЧТО ПОГИБ

*Муху прихлопнул —
и при этом задел ненароком
цветочек в траве...*

Исса

Однако маэстро не спешил нападать. Наоборот – опустил синай, так что его закругленный конец коснулся соломенных матов.

– Скажи, Ямамото, у вас знатные и благородные дома берут приемных детей из других благородных домов? – спросил Мацудайра.

– Э-э... нет, – несколько опешив, произнес Артем. И тут же подумал: «А почему нет? Черт возьми, может, это такая составная часть науки побеждать по-честному – в самый разгар боя вклепить противнику вопросом не по теме и тем отвлечь его от рубилова на бамбуковых мечях?»

– У нас самурайские дома часто берут приемных детей из других домов, – говорил Мацудайра, все еще пребывая в стойке ханми. – Это делается, чтобы устанавливать дружеские связи между разными домами, чтобы крепить эти связи. Или чтобы создавать политические союзы. Или же таким способом основная ветвь семьи приближает к себе боковые ветви, не давая им окончательно отделиться...

– У нас для того же самого выдают замуж дочерей в другие семьи... – Как и мастер, Артем по-прежнему стоял в стойке ханми.

– Это само собой, – кивнул Мацудайра. – Но я сейчас говорю о приемных детях. Защищайся, Ямамото!

И мастер пошел в атаку, нанося удары один за другим – сверху, слева, справа. Артем отступал, подставляя свой синай под синай мастера и удивляясь, как ему удастся сдерживать этот натиск. В тишине зала стоял дробный стук бамбуковых мечей. Артем пятился, пока не уперся спиной в стену. Мацудайра тоже остановился.

– Одно из главных правил кэмпо¹⁴, Ямамото: никогда не ставь синай ниже боевого меча. Во время учебного поединка ты должен быть уверен, что держишь в руках боевой меч.

Мацудайра отошел к центру зала, давая возможность Артему отлепиться от стены и тоже выйти на середину.

– И прими во внимание еще одно правило кэмпо, – сказал мастер. – Искренность усилий – это ключ к успеху. Когда мы действуем против более сильного противника, в своих действиях не должны быть неискренними, напротив, нам следует проявить себя с лучшей стороны. Защищайся, Ямамото!

И мастер показал, что предыдущая атакующая серия была разминочной. Мацудайра увеличил скорость ударов. Артем уже не пытался угадать, откуда в очередной раз вылетит бамбуковая палка круглого сечения, вообще ничего не пытался угадать и о чем-то думать, а целиком положился на чутье. И какое-то время – вот удивительно! – ему удавалось успешно отбиваться. Но потом, понятно, все встало на свои места. Артем почувствовал касание шеи, касание плеча, удар по локтю и завершил серию удар по ребрам.

---

¹⁴ Фехтование на мечях называлось по-разному в зависимости от времени или от школы. Его называли хэйхо, кэмпо, тохо, гэккэн, хёдо, тодзюцу, татиути и так далее. На сегодняшний день закрепилось название кэндзюцу.

Бли-ин... Довольно чувствительно приложил, ирод. Артема согнуло. Он схватился одной рукой за бок, но из другой синай не выпустил. А еще гимнаст отчего-то не сомневался, что тот ураганный ритм, в каком тут феерил мастер, – это еще не предел его возможностей.

– Я не договорил о приемных детях, – раздался сверху спокойный голос Мацудайра.

Артем оторвал взгляд от пола, посмотрел на мастера.

– Я весь внимание, Мацудайра-сан.

– Приемные дети всегда деятельнее, энергичнее родных детей, – сказал Мацудайра. – Им надо бороться за свое место в новой семье. А права они имеют точно такие же, как и кровные дети, значит, могут подняться в новой семье весьма высоко, даже стать главой клана...

– И остальным отпрыскам волей-неволей приходится шевелиться, чтобы не оказаться в подчиненном положении у приемыша, – сказал Артем, поднимаясь.

– Ты верно говоришь. Приемные дети встряхивают и оживляют семью, в которую попадают. Не дают крови застаиваться. Ты понимаешь, почему я об этом говорю, Ямамото?

– Понимаю, что твои слова, мастер Мацудайра, каким-то образом связаны со мной, только не пойму, как именно.

– Я убежден, Ямамото, что стране Ямато только на пользу пойдут приемные дети из других стран. – Мацудайра направился к стойке с мечами. – Они точно так же оживят страну. Взбодрят ее, не дадут ей погрузиться в сон. Конечно, нельзя допустить, чтобы чужаки заполнили страну, но и отгораживаться глухим забором тоже нельзя.

– А как же быть с надписью на воротах: «Почитать императора, изгонять варваров»? Варвары – это же чужаки. Такие, как я.

– В одном и том же иероглифе люди видят разный смысл, Ямамото. – Мацудайра вложил свой синай в стойку, добавив к другим мечам. – Одни читают «варвары» и видят перед собой айнов¹⁵. Другие читают «варвары» и видят перед собой всех чужеземцев, даже китайских и корейских монахов. Я читаю «варвары» и вижу перед собой трусов и глупцов.

Артем тоже подошел к стойке и поступил со своим синаем в точности так же, как мастер.

– Я хоть и не так давно нахожусь в стране Ямато, но мне почему-то кажется, что твои слова, мастер Мацудайра, многим бы не понравились. Я имею в виду – многим влиятельным людям, принадлежащим к тем самым упомянутым тобою благородным домам.

– Что с того, Ямамото! Всегда кому-то что-то не нравится. Многим не нравятся снегопады зимой, и что теперь делать, высочайшим указом запретить снегопады?

Мацудайра задумчиво крутил в руках деревянный меч. Он отличался от бамбукового – был не прямой, а загнутый, был не круглого сечения, а вытянуто-овального. Собственно, изделию этому, поелику возможно, пытались придать сходство с катаной.

– Вот поэтому Хидеёоши направил тебя ко мне, – сказал Мацудайра. – Он знает, что я не отнесусь к чужаку плохо только потому, что он чужак. Он помнит, чему я учил его. Но вот вопрос, Ямамото... думал ли еще о чем-нибудь Хидеёоши, когда направлял тебя ко мне? Была ли у него какая-то вторая мысль при этом?

Мацудайра протянул Артему деревянный меч.

– Возьми боккэн, Ямамото. Этот боккэн изготовлен из знаменитого окинавского дуба, поэтому даже сквозь кожу, которой обмотана рукоять, ты можешь почувствовать тепло древесины.

Тепла Артем никакого не ощутил, а вот что сразу почувствовал – боккэн этот был гораздо тяжелее бамбукового меча-синая. И первое, о чем подумал Артем, взяв в руки окинавское изделие: «Если боевых дел мастер влепит мне такой штуковиной, то это будут уже совсем иные ощущения, и все как на подбор неприятные. А где же, блин, знаменитые маски с решетчатыми

---

¹⁵ Айны – древнейшая народность Японии. В начале тринадцатого века айны были оттеснены на северо-восток острова Хоккайдо. Айны считались варварами, а значит, подлежали либо изгнанию, либо уничтожению.

забрали, в которых в кинофильмах тренируются эти проклятые японцы?» Но маски, видимо, еще пока не изобрели, и по идее Артем имел все шансы сделать это первым в мировой истории, запатентовать изобретение и нагреть на этом руки. Если, конечно, достаточно проживет, чтобы успеть что-то там запатентовать.

– Боккэн многие самураи носят с собой вместе с боевыми мечами, – сказал Мацудайра, доставая и себе боккэн из стойки. – Чтобы не опоганивать катану боем с недостойными людьми, например с разбойниками или невежливыми горожанами, самураи часто используют боккэн. А сейчас выбери любую стойку, Ямамото. Или из тех, что я тебе показал, или какую хочешь. Одно из правил кэмпо гласит: «Стойка должна быть естественна. Она должна быть естественной частью тебя самого». Приготовься, сейчас я проведу такую атаку: первый удар нанесу слева, второй сверху. Попробуй отразить эти удары.

И мастер не замедлил выполнить обещанное. Что-то мелькнуло в воздухе. Какие-то деревянные громко стукнулись друг об друга. А потом Артем увидел у себя перед носом темное изделие из окинавского дуба. Если бы гражданин мастер не остановил дубовый меч в миллиметре от Артемова лба, то сотрясение воздушному гимнасту, думается, было бы гарантировано.

– Неплохо, Ямамото. Ты сумел остановить первый удар, – сказал Мацудайра, убирая боккэн от лица Артема.

«Я остановил первый удар?» – акробат сильно удивился. Но удивление удержал при себе. Ну да... вроде бы он рефлекторно вскинул меч. А услышанный стук – это не иначе соприкосновение боккэнов.

– Укиё-э¹⁶ тебе подарили в монастыре? – вдруг спросил мастер.

– Что? – не понял Артем.

Деревянный клинок взлетел вверх, его лезвие коснулось груди Артема. Вернее, не груди, а выскочившей из-под куртки во время учебного боя лакированной дощечки на шнуре. Вот, значит, о чем спрашивает мастер...

– Нет, не в монастыре, – Артем замялся. – Мне... Я нашел ее в городе Яманаси. На улице. Видимо, кто-то обронил.

– Я весьма интересуюсь укиё-э, – сказал Мацудайра. – Впервые вижу гравюру, обитую медью.

Да ради бога! Пусть уж лучше рисунки на дощечках рассматривает, чем фехтует с бедным гимнастом! С этой мыслью Артем стянул с шеи сие изделие японского народного промысла и протянул мастеру.

– Любопытная вещь, – тихо проговорил мастер, разглядывая укиё-э.

– Я дарю вам ее, Мацудайра-сан, – сказал Артем и счел излишним поклониться. – Пусть она принадлежит знатоку, а не человеку, который ничего не смыслит в укиё-э.

– Я благодарю тебя, Ямамото-сан, – поклонился в ответ мастер. Он засунул дощечку себе за пояс, отрывая от нее взгляд с явной неохотой, – заметно было, что ему хочется разглядеть поделку повнимательней. – Мы закончили на сегодня с фехтованием.

Мацудайра отправил боккэн в стойку.

– С первого раза до тебя, Ямамото, только один человек из впервые взявших в руки боккэн смог остановить хотя бы один из моих ударов. Это был Хидеёоши. Ты – второй. Это говорит, что в тебе есть задатки прирожденного бойца. Только этого мало.

– Мало для чего? – спросил Артем.

---

¹⁶ Укиё-э – традиционная японская цветная гравюра.

– Для всего мало, – ответил мастер, засовывая за пояс-оби свои боевые мечи. – И для того чтобы стать си-тэнно. И для того, чтобы стать кэнси. Мало даже для того, чтобы получить право называть себя кэнго из Мацудайра-рю¹⁷.

Мастер опустился на соломенный мат, Артем последовал его примеру. Может, кому и удивительно, но Артем не расстроился, услышав, что одних только его замечательных задатков мало, чтобы стать кем-то из этих труднопроизносимых деятелей. А вот похвалой мастера он был польщен. Ишь ты, оказывается всего второй, кто отразил удар «повелителя меча», уж ясно, что сам Мацудайра не меньше чем си-тэнно. Значит, не так уж плохи наши дела в космическом смысле этого слова!

– Какую помощь ты хочешь получить от меня, Ямато? – спросил Мацудайра, уперев кулаки в бедра и глядя прямо в глаза Артему.

«Ну, вроде конец мучениям, вроде до сути дошло», – подумал Артем.

– Мне нужно прибежище до завтрашнего утра. А еще желательно новые гэта взамен развалившихся, дорожный короб и запас еды на три дня.

– И это все? – удивился Мацудайра. – Я готов оказать тебе более существенную помощь.

– Хорошо, – легко согласился Артем. – Мне нужно прибежище на несколько дней. За эти дни я хотел бы, окунувшись в чтение или в беседы, узнать как можно больше о стране Ямато.

– А что ты собираешься делать дальше? Куда отправишься?

Открывать свои истинные планы Артем считал неразумным. Вряд ли они найдут отклик в душе самурая Мацудайра. Впрочем... Артем и сам уже не был уверен в стопроцентной неизблемости этих планов, некие сомнения все же поселились в его душе. Однако этими сомнениями, как и самими планами, он не намеревался делиться ни с кем.

– Я собираюсь держать путь на родину, – так ответил на вопрос мастера Артем. – Дойду до побережья и попробую переправиться через залив на другой берег. Думаю, меня перевезет какая-нибудь рыбацкая лодка или возьмет торговый корабль.

– Похвально твоё желание вернуться в родную страну, – с уважением произнес Мацудайра и легко поклонился. – Ничем не могу тебе помочь с кораблями. Но прибежище и еду ты получишь. И о стране Ямато я расскажу тебе все, что пожелаешь узнать...

Мацудайра некоторое время молчал, задумчиво глядя перед собой в пол.

– Однако мысли сейчас мои вот о чем, Ямато, – снова заговорил он. – Твой путь домой будет длинен и опасен. Значит, к нему следует тщательно подготовиться. Чем более отдохнувшим и более готовым к тяготам и опасностям ты выйдешь в путь, тем вернее и тем быстрее доберешься до дома. Я понимаю, гордость не позволяет тебе просить слишком многого. Поэтому я сам предлагаю тебе остаться в Мацудайра-рю на долгий срок. Я научу тебя кэнго¹⁸, по которой воинов-мечников из Мацудайра-рю в любом уголке страны Ямато сразу отличают от других бойцов. Полагаю, если ты проявишь достаточно усердия в занятиях, из тебя может получиться достойный кэнго-воин, которым Мацудайра-рю сможет гордиться. Что ты на это скажешь, Ямато?

«Весьма неожиданно», – вот что мог бы сказать Артем. На подобное предложение он не мог и надеяться, учитывая «любовь» японцев к чужакам и поднявшийся в провинции ажиотаж вокруг своей персоны. Самое большее, на что он мог надеяться, – укрыться на несколько дней в каком-нибудь удаленном от посторонних глаз бамбуковом бунгало и получить с собой в дорогу самое необходимое. А тут вот нате... Хм-хм... Следовало хорошенько поразмыслить, а не давать ответ сгоряча.

– Позволь задать тебе два вопроса, Мацудайра-сан, – сказал Артем.

---

¹⁷ Си-тэнно – «повелитель мечей», этого звания можно удостоиться только после смерти, чрезвычайно редко – при жизни. Кэнси – мастер фехтования на мечах. Кэнго – сильный, умелый мечник. Рю – школа боевых искусств. Мацудайра-рю – школа, основанная Мацудайра.

¹⁸ Кэнго – техника владения мечом.

Мастер кивнул.

– Вопрос первый: зачем тебе нужно, чтобы я остался здесь?

– На это есть три причины, Ямамото, – сказал Мацудайра. – О первой я уже сказал. Из тебя может получиться неплохой воин, которым Мацудайра-рю сможет гордиться. И тогда стоит только радоваться тому, что о Мацудайра-рю узнают в других землях...

«А мы не лишены тщеславия», – подумал Артем и покосился на висевшее слева от мастера какэмоно, где было написано: «Усмиряй гордыню».

– Причина вторая – твои успехи в занятиях кэмпо заставят других учеников удвоить усилия в работе над собой. Помнишь, что я говорил тебе о приемных детях? Я надеюсь, твое присутствие здесь расшевелит тех, кто начинал уже «засыпать». Они не захотят быть хуже чужака. Причина третья, которую я мог бы поставить и первой, – новые знания. Я ничего не слышал о твоей стране под названием Русь, я уверен, что в ней много такого, чего нет в стране Ямато, о чем интересно будет услышать, а что-то может оказаться полезным жителям страны Ямато... Ты хотел задать два вопроса, Ямамото.

– Да. И вот вопрос второй. Я рассказал тебе о Нобунага, о том, что он объявил награду за мою поимку. В конце концов до Нобунага обязательно дойдет, что в селении Касивадзаки, в доме мастера Мацудайра скрывается тот самый гайдзин. Даймё Нобунага придет сюда, и худо будет тебе, мастер Мацудайра...

– Я понял твой вопрос, Ямамото, и вот что отвечу, – сказал Мацудайра. – Если Нобунага просто покажется в Касивадзаки, он поссорится с такими домами, как Хитоцубаси, Симидзу, Таясу. Тебе о чем-то говорят эти имена?

– Нет, – честно признался Артем.

– Зато Нобунага они о многом говорят, будь уверен, Ямамото. Однажды я сказал ему, что если он придет в Касивадзаки, то его самураи обязательно затеют ссору с моими самураями и произойдет столько поединков, сколько самураев он приведет с собой. Нобунага вряд ли устроит исход этих поединков, а самурайским домам Хитоцубаси, Симидзу, Таясу совсем не понравится, что по вине Нобунага произошли поединки, в которые оказались вовлечены их отпрыски, обучающиеся в моей школе. Поэтому Нобунага не должен волновать тебя, он здесь не появится. Так что ты отвечаешь, Ямамото?

Артем все еще раздумывал. Предложи ему кто такое, когда он только очутился в Японии, то он согласился бы, конечно, без раздумий. Сейчас же было не так все просто и однозначно. Было над чем подумать...

Со двора донесся довольно громкий дребезжащий звук. Такое впечатление, что металлической палкой вели по штaketнику, сделанному из металлических пластин.

– Ручной барабанчик, – сказал Мацудайра, заметив недоумение на лице Артема. – Мне пора идти к ученикам на медитацию.

Мастер поднялся.

– Подождешь во внутреннем дворе, Ямамото. Я пришлю за тобой одного из учеников. Он отведет тебя к вечерней трапезе.

Они вышли из фехтовального зала, прошли на галерею, огибающую внутренний двор. Мастер оставил Артема, свернул в коридор, уводящий внутрь дома. Артем же направился к лесенке, чтобы спуститься по ней во дворик, где пруд, где газоны с камнями и странного предназначения деревянные постройки.

– Господин...

Артем обернулся.

И как-то сразу все про себя понял. И что он пропал и что он погиб...

Глава девятая СЕСТРА СВОЕГО БРАТА

*Ливень весенний —
Как же преобразился мир!
Как стал прекрасен!*

Тиё-ни

Это было похоже на электрический удар... Не на тот, которого подспудно ждешь, когда, скажем, вкручиваешь лампочку или вскрываешь распределительную коробку под напряжением. Бывает другая разновидность электроударов – когда делаешь что-то привычное, например в миллионный раз втыкаешь кнопку торшера, не ожидая подвоха, и тут – бац...

Уж долбанет так долбанет. Пронзает с ног до головы и через все печенки.

Так было и сейчас.

Все мысли вдруг куда-то отлетели. Артем на миг позабыл, в каком веке и в какой стране он находится. Как-то сразу все стало несущественным.

А и всего-то, что произошло, – увидел перед собой женщину. Правда... Немного перефразируя незабвенных классиков «Тут смотря какой отец», можно было сказать – тут смотря какую женщину перед собой увидеть.

Наверное, такое может произойти с каждым, да вот только не каждому выпадает. Наверное, у каждого в голове складывается образ женщины его мечты. Как правило, это довольно смутный контур, нечто зыбкое, совершенно неконкретное, но когда встречаешь эту женщину, сразу откуда-то приходит понимание – это ОНА.

«Она», – понял Артем. И странное ощущение дежавю посетило его: где-то он уже видел эти агатовые миндалины глаз, эти иссиня-черные волосы, овальной формы лицо, эти тонкие губы. Где? Может быть, во сне? А еще у нее была длинная шея, и она была довольно высокого для японок роста. «Слава богу, лицо ее не намазано этими идиотскими белилами», – почему-то подумал Артем.

– Я – Ацухимэ. Сестра Кумазава Хидейоши. – Девушка поклонилась, взмахнув длинными рукавами кимоно¹⁹. – Я знаю, что ты прибыл от Хидейоши. Не удивляйся. У молодого Наканэ, у самурая, что проводил тебя к сэнсэю, есть подруга, служанка по имени Оёси... А на женской половине слухи разносятся моментально.

Она взглянула Артему прямо в глаза (чего женщины здесь обычно не делали) и улыбнулась.

Лучше бы она не улыбалась. Так, наверное, было бы спокойнее. Но она улыбнулась, этого уже не поправишь, и Артем со сладкой истомой осознал, что увязает все глубже.

– Господин... – Она со значением оборвала фразу.

«Ах да! Я же не представился, – сообразил Артем. – Как неучтиво, черт возьми!»

– Ямамото... – сказал он. И внезапно у него вырвалось: – Но лучше зови меня Артем.

Впервые здесь, в Японии, он представился своим настоящим именем, а не дурацким ником «Ямамото», который у самого Артема уже начинал вызывать трудно объяснимый, но вполне стойкий рвотный рефлекс.

– Алтём? – переспросила она.

«Как мило она выговаривает мое имя», – подумал акробат.

– Да, Артем.

---

¹⁹ Если бы Артем немного больше времени провел в Японии, то, глядишь бы, и знал, что эта разновидность женского кимоно называется фуриisode и ее носят девочки и незамужние девушки.

– Какое странное имя, – сказала Ацухимэ. – Это имя что-нибудь означает у вас?

– Означает? – удивился гимнаст. – Разве имя что-то должно означать?

– Дзиромаро означает «второй сын», Сабуромаро – «третий сын», Рокуромаро – «шестой сын»...

– Нет, имя Артем ничего не означает, – сказал воздушный гимнаст.

– Господин Алтём, расскажи мне о Хидейоши...

Говоря это, Ацухимэ дотронулась до отворота его куртки-косодэ. Зачем она это сделала? Артем едва только начал приходить в себя от заставшего его врасплох потрясения, как снова... Она ведь только приблизила к нему свою руку, а его голова закружилась, будто он в самолете рухнул в воздушную яму.

– Он велел передать что-нибудь мне? – спросил она. – Только мне, и никому другому?

Артем замешкался с ответом, потому что на ум пришла просто-напросто сущая нелепость – скажи он сейчас Ацухимэ, что ее брат ничего не велел передать, она развернется, уйдет, и он ее больше не увидит. Соврать ей, что ли? Дескать, Хидейоши велел передать такие слова: «Приветь незнакомца, сестренка, будь с ним ласкова, одень, обуй, накорми».

– Нет, – наконец выдал из себя Артем. – Ничего не велел передать.

И поспешил добавить:

– Но он говорил мне о тебе. Сказал, что его сестра живет в доме мастера Мацудайра. Когда мы с ним расстались, Хидейоши был здоров, не был ранен.

«Что я несу? – удивился сам себе Артем. – Нет, надо выбираться из этого наваждения».

– Он направился в Киото? – спросила Ацухимэ.

«И имя у нее хорошее, – Артему пришла на ум очередная нелепость. – И сочетание получается хорошее – Артем и Ацухимэ... Ацухимэ и Артем».

– Да, – сказал гимнаст. – В Киото.

– Ты долго будешь гостить в доме сэнсэя?

«Теперь уже не знаю, – ответил бы ей Артем, если бы решил говорить правду, и только правду. – Теперь уже ничего не знаю».

– Мастер Мацудайра сказал, что я могу остаться надолго. Сказал, что станет заниматься со мной кэмпо.

– Кэмпо? – Она оживилась. – А он проверял твои умения?

– Проверял. – Артем почувствовал, что наваждение все же помаленьку отпускает его. – Только умений у меня никаких нет, с мечом я прежде дела не имел. Есть лишь задатки. Правда, мастеру они понравились.

– На чем вы фехтовали с мастером, на синаях или на боккэн? – Похоже, Ацухимэ нисколько не притворялась, и ее действительно интересовала эта тема.

– На том и на другом.

И тут Ацухимэ произнесла нечто, от чего у Артема аж дыхание перехватило:

– Я бы пофехтовала с тобой, Алтём. Мне хотелось бы посмотреть, каков ты в работе с нагината или с копьем.

– А ты фехтуешь? Я, конечно, недолго нахожусь в ваших краях... и, может быть, только поэтому пока не встречал здесь женщин с оружием.

– Я тоже не встречала, – рассмеялась Ацухимэ. – Разве что саму себя... Я живу в доме сэнсэя десятый год, – продолжала она. – Я появилась в этом доме совсем маленькой девочкой. Я, как ты знаешь, из семейства Кумазава, поэтому меня не заставляли прислуживать и вообще работать по дому. Целыми днями я бегала везде, где хотела, и играла во что хотела. Играла же я не с куклами, а с синаем или с боккэном. Потом уговорила плотника Икэда сделать лук, который был бы мне по силам, бегала с ним на лужайку за чайным домиком и упражнялась в стрельбе. Потом осмелела настолько, что стала нарушать строжайший из запретов – тайком пробиралась в комнату, где хранится оружие, и сама училась управляться с разными предме-

тами. Больше всего мне нравилась нагината. Мне приходилось всему обучаться тайком. Ма-ай и зансин²⁰ я обучалась, сквозь щелочку подглядывая за упражнениями в зале и потом повторяя их на лужайке за чайным домиком. Суки я обучалась, хитростью направляя разговоры с сэнсэем на нужную мне тему. Вот сотай рэнсю по-настоящему я отрабатывать не могла. Тогда я сделала из соломы чучело в человеческий рост, воткнула его в землю на лужайке за чайным домиком и упражнялась.

Девушка пожала плечами:

– А меня никто не останавливал, не говорил: «Не женское это дело». Жены сэнсэя и его наложницы думали, что сэнсэй мне все это разрешает, а сами спросить его боялись. Глупые гусыни! Только и умеют, что сплетничать и делать друг другу мелкие гадости. – Сказано это было Ацухимэ с нескрываемым презрением. – А сэнсэй меня не останавливал, потому что думал – вырасту и одумаюсь. А я выросла и не одумалась. Теперь уже поздно. – Она вздохнула. – Женщины не могут носить оружие. Даже женщины знатного самурайского рода. Кинжал – это не оружие. – Ацухимэ завела руки за спину и вытащила из банта, в который были завязаны на спине семь поясов²¹, карманный женский кинжал каи-кен. – Считается, он нужен женщине, чтобы убить себя, когда посягают на ее честь. А зачем убивать себя, когда я легко могу убить того, кто посягает? Только лучше это делать не кинжалом, а мечом или нагината.

Она убрала каи-кен в сплетения банта.

– Скажи мне, Алтём, ты стал бы упражняться со мной в фехтовании?

– Да, – не раздумывая, ответил Артем.

– Здесь никто не хочет упражняться со мной, – ее голос чуть заметно дрогнул.

– Мастер запрещает?

– Мастер не запрещает, тут другое, – она произнесла это с какой-то непонятной интонацией. – Самураи считают – настоящий буси²² не станет скрещивать с женщиной даже бамбуковые клинки. Потому что этим он уронит свою честь. – Ацухимэ невесело улыбнулась. – Раньше они меня задирали. Но быстро перестали и теперь молчат. Это я их отвадила. Если кто-то пытался сказать про меня что-то нехорошее, я говорила ему – давай сразимся, выбирай оружие, и, победив, поставишь меня, женщину, на место, и больше я никогда не возьму в руки ни синай, ни боккэн, ни катану, ни нагината. После этого они тут же умолкали. Потому что никто из них не хочет быть посрамленным, уступив женщине в поединке. А все тут знают, как я фехтую. Они бегали и бегают подглядывать, как я упражняюсь на лужайке за чайным домиком. – Она вдруг фыркнула. – Они боятся меня из-за того же, из-за чего боялись когда-то мастера ёсинори. Ты, Алтём, никогда не слышал о мастере ёсинори?

– Нет, – сказал Артем и ничуть не соврал.

– Он жил около пятидесяти лет назад. До нас не дошло, у кого обучался ёсинори и в каких поединках добывал себе славу. Только откуда-то пошли слухи, что ёсинори – непревзойденный кэнси и не знает себе равных в поединках кэмпо, причем он одинаково бесподобно владеет синаем и боккэном. Ёсинори начал странствовать по стране Ямато, переезжая от школы к школе. Он предлагал наставникам школ поединки по их выбору – на синае или на боккэне. Трудно сказать, чего испугались первые наставники, но они предпочли откупиться от ёсинори несколькими коку риса, а не биться с ним. Они побоялись быть побитыми на глазах учеников и навсегда лишиться в глазах учеников авторитета. А потом слава уже бежала впереди ёсинори, и наставники все как один откупались от него, считая, что им ничего не светит в поединках. Вскоре ёсинори собрал достаточно средств, чтобы основать свою собственную школу. Он умер,

---

²⁰ Ма-ай – чувство дистанции, суки – оценка слабых мест, зансин – физическое и моральное превосходство над противником, сотай рэнсю – работа с партнером.

²¹ Не только Ацухимэ носила семь поясов, у всех японок на талии было всегда семь поясов. Традиция.

²² Буси – воин.

будучи наставником ёсинори-рю. До сих пор достоверно неизвестно, так ли уж был велик и непобедим ёсинори, как об этом говорили.

– У нас тоже происходят подобные истории, – сказал Артем. – В наших краях в большом почете живут мастера единоборства под названием бокс. Героем бокса считается тот, кто провел много поединков и одержал в них побед намного больше, чем поражений. Нечестные люди у нас научились создавать дутых героев. Они сводят такого «героя» с заведомо слабыми соперниками. И что получается? А то, что «герой» побеждает в двадцати схватках из двадцати. Звучит внушительно, и кто не знает, что это были за противники, или пугаются «героя», или превозносят его. Или и то и другое. Вот так можно надуть значимость человека.

– Надувать – я поняла твой образ! Как дети надувают лягушку, вставив ей соломинку в задний проход! – Ацухимэ радостно хлопнула в ладоши. – Как интересно! Я бы хотела поговорить с тобой о твоей стране, Алтём-сан.

– И я бы хотел того же, Ацухимэ-сан, – сказал Артем, ничуть не покривив душой.

И чуть не добавил: «Наедине. И чтобы поблизости не было мастера Мацудайра, который тоже, помнится, хотел говорить со мной про мою далекую страну».

– А брат? – вдруг вспомнил Артем. – Хидеёоши тоже не одобрял твоего увлечения оружием и отказывал тебе в тренировочных поединках?

– Да, – признала Ацухимэ, и лицо ее опечалилось. – Хидеёоши считал, что я своим поведением позорю род. Даже брат так думает...

Может быть, Артему только показалось, но вроде бы глаза девушки заблестели от наворачивающихся слез. Гимнаст решил отвлечь девушку от очевидно неприятной ей темы. И сделал это крайне неуклюже:

– В моей стране немало удивились бы тому, что мужчина и женщина наедине беседуют об оружии и схватках. Скорее им следовало бы говорить о погоде, о поэзии, о чувствах...

– И ты такой же! – еще больше помрачнела Ацухимэ. – Ты тоже не воспринимаешь меня всерьез...

– Нет, это не так! – поспешно воскликнул Артем. – Я...

– Господин Ямамото! – раздался голос сзади.

Черт! Артем и не услышал, как кто-то подошел.

Он оглянулся. А, знакомое лицо. Это был тот самый молодой самурай, что провел Артема к мастеру.

– Я – Наканэ, – вежливо поклонился самурай. – Сэнсэй велел мне проводить тебя в трапезную.

«Дьявол, как не вовремя», – подумал гимнаст.

– Спасибо за беседу, Ацухимэ-сан, – поклонился девушке Артем. – Но мы не договорили и остановились на самом интересном. Мы сможем продолжить нашу беседу?

Какие-то полсекунды прошли в ожидании ее ответа, и эти полсекунды Артем волновался, как какой-нибудь впервые влюбленный школьник или романтически настроенный студент. Боялся, а вдруг она скажет: «Все, после твоих последних слов я с тобой не хочу больше видеться. Ни-ко-гда».

– Конечно, – сказала она, поклонившись. – Завтра мы продолжим нашу беседу, Алтём-сан...

– Сэнсэй велел мне познакомить тебя с нашим распорядком, – говорил Наканэ, когда они огибали внутренний двор по открытой галерее. – Он сказал, что ты должен его узнать. Это должно повлиять на какое-то твое решение. Пока не прозвучал сигнал к вечерней трапезе, мы сможем поговорить.

Наканэ внезапно запрыгнул на перила галереи, уселся на них, болтая ногами. Артем вынужден был остановиться рядом.

– Знаю я, что это за решение! – хитро подмигнул самурайчик. – Сэнсэй часто говорит, что гайдзины нужны как приемные дети. Тебе будет очень трудно, Ямамото, ты не выдержишь. Только уроженец страны Ямато обладает достаточной силой духа, чтобы выдержать все.

– Так тяжело? – ухмыльнулся гимнаст.

– Ну вот скажи, Ямамото, – продолжал болтать ногами Наканэ, – ты готов спать с мечами по бокам постели и с мечами в изголовье?

– А зачем это нужно?

– Как зачем! Самурай должен правильно спать. Без этого нельзя.

Артем хотел сказать: «Так я не самурай, с чего ты взял, что я самурай?» А потом ему пришло в голову, что Мацудайра, скорее всего, отрекомендовал его своим ученикам именно как самурая, ну... только зарубежного самурая. Чтобы относились к нему хотя бы без сословных предрассудков, хватит и одного предрассудка по отношению к чужеземцам.

– Правильно – это как? – спросил Артем.

– Правильно – это так, как подобает самураю, – с гордостью произнес Накамэ, разве что кулаком в грудь себя не ударил. – Самурай должен спать только на правом боку, укрыв под ним правую руку, и во сне не переворачиваться. Если спящего самурая ударит мечом подкравшийся враг, то отсечет левую руку, но уцелеет правая. – Накамэ правой рукой вытащил клинок катаны из ножен на длину ладони и тут же с силой вогнал обратно. – Вскочив, самурай сможет сражаться более важной, правой рукой. Вот для чего надо правильно спать. Этому не научиться без должной крепости духа. Знаешь, как этому учат? По бокам от спящего ученика ставятся два остро наточенных меча. Станет ворочаться во сне – поранит себя. Приходится много раз пораниться и много шрамов нажить, прежде чем научишься.

– Со сном понятно, – сказал Артем. – Хорошие сны мне обеспечены. А что там с дальнейшим распорядком?

– В Мацудайра-рю очень строгий распорядок дня, и от него не допускается ни малейшего отклонения. Подъем с зарей, обязательное обливание холодной водой и небольшая разминка с шестами или с симбо²³. До завтрака чтение «Кодзики», «Нихонги»²⁴ и других книг, обязательных для любого самурая, – о божественном происхождении народа Ямато, о доблестях благородного мужа, о деяниях самураев прошлого, потому что... – Накамэ поднял палец и изрек: – ...подражание мастерам прошлого, а не настоящего способствует овладению кэмпо.

Самурайчик явно кого-то цитировал. Или сэнсэя, или какого-то книжного авторитета.

– После завтрака занятия каллиграфией, музыкой и стихосложением. Хочешь, Ямамото, я прочитаю стихотворение, которое сочинил сегодня?

Не дожидаясь согласия Артема, Накамэ продекламировал:

Вешние воды.
Кошка упала в поток —
Не смогла перепрыгнуть²⁵.

Нравится?

– Да.

– Потом до обеда мы с сэнсэем занимаемся кэмпо. После обеда час можно отдыхать по своему усмотрению. А потом мы занимаемся воинскими искусствами. Стрельба из лука, зюзуцу²⁶, наездничество, умение владеть копьем, боевым веером и алебардой – все, чем должен

---

²³ Симбо – тяжелая трость.

²⁴ «Кодзики» и «Нихонги» – японские хроники VIII в.

²⁵ Автор стихотворения – Хоро.

²⁶ Рукопашный бой.

владеть самурай. А после вечерней трапезы мы снова читаем книги. Вот так. Никакого отступления от распорядка, Ямамото. Ты считаешь, что у тебя хватит силы духа справиться с этим?

Ответить ни отрицательно, ни утвердительно Артем не успел. Раздалось знакомое дребезжание ручного барабанчика.

– Пора. – Накамэ спрыгнул с перил. – Зовут на вечернюю трапезу... Она странная.

– Кто? – не понял Артем. – Трапеза?

– Ацухимэ, сестра Кумазава Хидейоши, – сказал Накамэ и заговорщицки подмигнул. – Хорошо подумай, прежде чем сходить с ней близко. Дружба с ней опозорит тебя в глазах других самураев. У нас ее не любят...

На это Артем ничего не стал говорить. Потому что незачем было говорить...

А потом был обед в общей трапезной. Все самураи, наставники и ученики Мацудайра-рю, сидели за общим длинным столом. Еду подавали женщины. Сегодня на ужин были жареные бобы, китайская лапша и зеленый чай. Артем с удовольствием навернул бы сейчас чего-нибудь посушественнее, бифштексик бы какой-нибудь зарубал, но... может, так будет к лучшему. Наедаться на ночь не рекомендуют все без исключения доктора. Да и вдобавок на стене этой комнаты красуется какэмоно с подходящим к случаю изречением: «Питайся правильно и умеренно».

Артем ловил на себе любопытные взгляды. Конечно, известие о том, что в школе появился гайдзин, уже облетело всех наставников и учеников. А сейчас гайдзина все увидели воочию. Гимнаст же от нечего делать пересчитал сидящих за столом – сорок два человека, не считая самого гимнаста.

Артем не пытался разглядеть, кроется еще что-нибудь во взглядах кроме любопытства. Например, ненависть. Но во всяком случае, являясь объектом всеобщего внимания, Артем чувствовал себя неуютно.

Да хоть бы его тут люто возненавидели, ну и что! Мастер сказал, что здесь под его защитой Артему ничего не грозит. А в своей школе мастер – царь и бог. Так почему ж не верить мастеру!

После вечерней трапезы Мацудайра жестом подозвал Артема, вышел с ним на веранду.

– Что ты решил? – спросил мастер.

– Я решил принять твоё предложение, Мацудайра-сан. – Артем счёл уместным вежливо поклониться.

«В конце концов, – подумал гимнаст, – я всегда смогу уйти, когда надоест. Мне собраться – только короб на плечи».

– Я рад, – сказал мастер. – Я надеюсь, твоё присутствие пойдёт на пользу Мацудайра-рю... Видишь этот холм? – Мастер вытянул руку в сторону довольно высокого взгорья, покрытого весенней зеленью. – С него в ясный день ты можешь увидеть вершину Фудзи. Она видна, но путь до неё долог. Так же долог путь к вершинам кэмпо. А знаешь, Ямамото, какая высшая цель кэмпо и, думаю, всех воинских искусств? Вот она – меч не нужен вовсе. Когда ты придёшь к пониманию этой истины и научишься выходить из любого положения, не обнажая меча, тогда ты можешь сказать о себе: «Я стал кэнси, великим мастером меча».

– Заниматься с мечом дни напролет, чтобы отказаться от меча? Нет ли в этом противоречия? Не разумнее ли сразу обучаться выходить из любого положения, не обнажая меча? – Артем сейчас не играл и не притворялся. Он действительно не понимал логики мастера. И действительно хотел её понять.

– Потому что сила не снаружи, а внутри тебя. Постоянные, усердные занятия с мечом направлены именно на выковывание духа. А чем сильнее дух, тем чаще отдыхает меч. Но путь к совершенству долог, – ещё раз повторил мастер. – Начни его с того, что пойдёшь и хорошо выступи. У тебя глаза слипаются, Ямамото. Сейчас Наканэ отведёт тебя в твою комнату. У нас ещё будет время поговорить о кэмпо, о твоей стране, обо всем...

Наканэ отвел Ямамото-Артема в его комнату. Хотя, наверное, ее следовало именовать кельей – два с половиной шага в длину, шаг в ширину. Из мебели – только тюфяк на полу. «А нужно ли человеку больше?» – философски подошел к вопросу Артем, падая на этот тюфяк. Вся усталость последних дней разом навалилась на него, когда он увидел перед собой постель, и не было никаких причин откладывать сон. И – словно некие невидимые подпорки вышибли. Проваливаясь в туман, Артем подумал, что завтра он увидит Ацухимэ. И от этого сразу стало хорошо на сердце и на душе.

С тем Артем и заснул.

Но проспать до утра ему было не суждено.

Глава десятая

НОЧЬ В БАГРОВЫХ ТОНАХ

*Бедные звезды!
Им места нет в небесах —
Так сияет луна...*

Аэйкин

Решетчатая бумажная дверь чуть не разлетелась на составные части. От этого грохота Артем ошалело вскинулся на тюфяке, вскочил на ноги и, еще ничего ровным счетом не понимая, инстинктивно отпрянул к дальней стене комнаты.

В комнате мигом стало тесно от людей. Кто-то из них поднял над головой фонарь, и его слабый колеблющийся свет показал перекошенные от ненависти самурайские лица.

– Не успел удрать! – радостно закричал кто-то.

– Думал, не догадаемся!

Набившиеся в келью самураи были растрепанны и злы. Их ладони нетерпеливо сжимали и гладили рукояти мечей.

– Только сейчас не вздумайте убивать!

– Вытаскивайте его! – закричали из коридора.

Артема ухватили за кимоно, рванули. Артем на кого-то налетел, тут же последовал толчок в спину, от которого гимнаст чуть не сшиб стоящего перед ним человека.

Самураи даже не подумали, что в этой тесноте они крайне уязвимы. Артем без труда мог выхватить у кого-нибудь из-за пояса вакидзаси. И пока они сообразили бы, что происходит, пока сами выхватывали бы оружие, многие из них, подкованных, блин, в фехтовании бойцов, получили бы в бортах пробоины от скромного акробата. В этой теснотище их численное превосходство мигом бы обернулось большим, жирным минусом. Они стали бы мешать друг другу, как пассажиры в трамвае. Тем более многие наверняка по привычке схватились бы за катану. А тут катаной не размахнешься, а коли все же размахнешься – своих же посечешь. К тому же Артем мог выбить из рук и потушить фонарь, в полной темноте его шансы на спасение получили бы еще одну существенную добавку.

Черт... Соблазнительно. Артем чувствовал, что он в шаге от роковой черты, за которой уже не будет иного выхода, кроме как биться насмерть.

Что там мастер говорил – умение побеждать без оружия есть высшее мастерство в кэмпо? Можно ли сейчас обойтись без оружия? А кстати, где же ты, сам мастер, чего не летишь на выручку?

Артем все же удержал себя от рокового шага. Может быть, незнание помогло – он не понимал, в чем причина ночного переполоха и насколько она серьезна. Может быть, не все так ужасно, как выглядит. По странной прихоти ума он вдруг вспомнил прошлую жизнь, теле-репортажи из жизни мусульман. Когда они хоронили кого-то, скажем, убитого израильской ракетой или разведкой, то похороны оборачивались грандиозной демонстрацией ненависти. Улицы были полны народу, все грозно орали что-то, размахивали оружием, сидели друг у друга на головах, палили из автоматов, все лица были перекошены самым немислим и злобным образом. Казалось, ну, все – на завтра мир содрогнется. А на завтра – ничего. Устаканивается, обычная жизнь, будто вчера ничего и не было. Выпустили пар и едем дальше... Хотя японцы, конечно, иного темперамента люди.

Наконец его вытолкали в коридор. Ему не дали надеть ни штаны-хакама, ни куртку-косодэ, ни та-би, он был в одном кимоно и босиком.

А коридор был забит людьми. Их тут было до дури, до чертиков, даже лень пересчитывать. Наверное, все обитатели школы сбежались. «Что это значит? Нобунага у ворот? Но чего тогда стоит слово мастера, который обещал защиту? Или слово, данное гайдзину, можно нарушить без ущерба собственной чести?» Гимнаст ничего не понимал... Кроме одной очевидной вещи – сейчас уже не убежишь, с этим он явно и фатально опоздал.

– Наканэ! – увидел Артем знакомое лицо.

– Убийца! – заорал молодой самурай. – Ты даже не достоин смерти от меча!

Но зачем-то (видимо, уже не контролируя свои эмоции) он попытался вытащить катану. Ему не дали этого сделать стоящие рядом самурай.

– Мы убьем его позже! Убьем не мечом.

– Ведите его!

– Ведите!

Его схватили за руки, больно сжав запястья, и повели... лучше сказать, быстро потащили по коридору. Потом – по галерее. Знакомый маршрут. Так и есть. Фехтовальный зал.

Кто-то из самураев ходил по залу со свечой и зажигал от нее фонари, висящие по стенам на крюках. Света уже вполне хватало, чтобы увидеть в центре зала лежащего на соломенных матах человека.

Это был мастер Мацудайра. Он лежал лицом вниз, разбросав в стороны руки. Из-под левой лопатки торчала рукоять кинжала. Клинок всадили по самую рукоять.

Артем встал как вкопанный, и его конвоиры вынуждены были остановиться.

– Он мертв? – вырвалось у Артема.

– И ты умрешь! – закричал Наканэ. – Здесь же! Рядом с тем, кого убил!

– Гайдзин! Обезьянье отродье! Кусок гнили! – орали вокруг. И еще что-то орали в том же духе, Артем не вслушивался.

«Дело плохо», – прошелестело в мозгу опавшей осенней листвой. Погано сделалось на душе, поганей некуда.

Артема сильно толкнули, он полетел лицом вниз, упал на маты. Встать не дали – сверху кто-то вспрыгнул, ударив коленями в спину, и тут же сомкнул пальцы на горле.

Гимнаст перевернулся, одновременно всаживая локоть напавшему куда придется, куда попадет. Видимо, хорошо попал, потому что пальцы разомкнулись... Ну а толку-то! Сразу же множество сильных ладоней придавили руки-ноги Артема к полу. «Что я могу сделать? – обреченно подумал гимнаст. – Когда их тут навалом! В келье надо было драться, только там был шанс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.